

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

**CURRENT ISSUES OF MODERN
SOCIO-POLITICAL PHENOMENA:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
AND APPLIED ASPECTS**

Materials of the IV international scientific conference
on March 13–14, 2016

Prague
2016

Current issues of modern socio-political phenomena: theoretical and methodological and applied aspects : materials of the IV international scientific conference on March 13–14, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 104 p. – ISBN 978-80-7526-086-4

ORGANISING COMMITTEE:

Armen R. Darbinyan, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, doctor of economic sciences, professor of RAU, full member of the Russian Academy of natural sciences, rector of the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Parkev S. Avetisyan, doctor of philosophy, professor, candidate of physical and mathematical sciences, full member of the Russian Academy of Pedagogic and Social Sciences, pro-rector for Academic Affairs in the Russian-Armenian (Slavonic) University.

Asya S. Berberyan, doctor of psychological sciences, professor, head of the psychology department in the Russian-Armenian (Slavonic) State University.

Miroslav Banasik, Ph.d., Professor of the Academy of National Defence in Warsaw.

Miroslav Sapik, PhD, the associate professor, prorector of Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences.

Bozhena Ivanovska, doctor of arts in the field of social science in the Institute of philosophy and sociology of Polish Academy of Sciences.

Iлона G. Doroshina, candidate of psychological sciences, assistant professor, the chief manager of the Science Publishing Center «Sociosphere».

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of modern socio-political phenomena. Some articles deal with questions of society and government as objects of socio-humanitarian analysis. A number of articles are covered problems of civil society and constitutional state. Authors are also interested in models and technologies of effective political communication.

UDC 32

ISBN 978-80-7526-086-4

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2016.

© Group of authors, 2016.

CONTENTS

I. SOCIETY AND GOVERNMENT AS OBJECTS OF SOCIO-HUMANITARIAN ANALYSIS

Черниговских И. В.

Основные подсистемы общества: борьба за доминирование.....6

Федоринова Е. А.

К вопросу о содержании понятия «политика»9

II. HISTORICAL AND ACTUAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF SOCIETIES AND GOVERNMENTS

Ураева И. В.

Всесоюзные мероприятия по библиотечному делу
как фактор формирования и укрепления советского общества
(на примере Тамбовского края) 13

III. CIVIL SOCIETY AND CONSTITUTIONAL STATE: EVOLUTION AND INTERCONNECTION OF PHENOMENA

Бормотова Т. М.

Открытость и публичность в работе правоохранительной системы
Российской Федерации при реализации механизмов противодействия
преступности мигрантов..... 16

Семенцул С. В.

Регистрация по месту проживания для бездомных граждан,
как средство доступа к социальному и пенсионному обеспечению
на территории Республики Молдова (сравнительно-правовой анализ) 19

Розанова Н. Н.

Роль репутации власти в становлении демократии 28

Матвеева Е. В., Левин А. А.

Неправительственные организации и гражданское общество в России:
тенденции развития 33

IV. SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL FACTORS AND FORMS OF MASS PHENOMENA

Ковалева Д. О.

Влияние социальной аномии на коррупционное поведение личности36

Sapík M.

Aktuální problémy společenských fenoménů v současnosti.....39

V. MODELS AND TECHNOLOGIES OF EFFECTIVE POLITICAL COMMUNICATION

Беляева В. П., Бадаева Г. Ш.

Политическая реклама политических партий в Интернете: опыт ФРГ47

Гудошникова О. Е.

Технологии и модели политического участия молодежи посредством
Интернета50

Таишева В. В.

Информационные технологии в современном избирательном процессе:
от социальных медиа до programmatic53

VI. ETHNIC-NATIONAL PECULIARITIES OF POLITICAL PROCESSES

Черникова Г. В., Красова Е. Ю.

Россия и Украина в контексте украинского политического кризиса
2013–2014 гг.58

Шумилина Д. В.

Японский национализм: истоки, современность, тенденции.....70

Рыбаков А. В.

Типология национализма74

VII. AGITATIONAL AND PROPAGANDISTIC TECHNOLOGIES OF POLITICS

Новоставский И. Н.

Проблемы формирования политической культуры студенческой молодежи в условиях реформы высшей школы 79

Самсонова Е. М.

Молодежь как «барометр «цветных революций» 83

VIII. FORMATION AND DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIO-POLITICAL STRUCTURES

Боташева А. К.

Государственная политика как выражение целей политической системы: категориальный анализ 86

Волгушев Г. В.

Расширение спектра неформальных политических практик радикального исламизма (на примере террористической группировки ДАИШ) 88

Макухин А. В.

Стратегия развития института местного самоуправления в Польше в процессе интеграции страны в Европейский Союз 90

Мустафа Д. А.

Курдистан: долгий путь к независимости или сохранение статус-кво? 93

Халкечев Д. Х.

Терроризм со стороны теневых субъектов политики: аспекты становления трансляции политических интересов 97

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году 99

Информация о научных журналах 101

Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 102

Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» 103

I. SOCIETY AND GOVERNMENT AS OBJECTS OF SOCIO-HUMANITARIAN ANALYSIS

ОСНОВНЫЕ ПОДСИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА: БОРЬБА ЗА ДОМИНИРОВАНИЕ

И. В. Черниговских

*Кандидат философских наук, доцент,
Воронежский государственный
университет инженерных технологий,
г. Воронеж, Россия*

Summary. The article is devoted to the analysis of component structured units of the society, their quantity and the interrelation. The author emphasizes 4 sub-systems: the economic, the information-symbolic, the subsystem of the management of the social process (the political) and properly the social. The cooperation between them is defined the aspiration of each sub-system to dominate in its entirety.

Keywords: the information-symbolic subsystem; properly the social subsystem; the subsystem of the management of the social process (the political); the economic subsystem.

Рассматривая общество как систему, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой выделения соответствующих структурных элементов. Одним из вариантов структурирования общества является выделение сфер его жизни. В данном случае понятием «сфера» фиксируется некоторая идентичность, некоторое единообразие структурных элементов общественного организма. Тем самым создаются новые возможности понимания и структуры общества, состоящего не просто из разнокачественных, неповторимо своеобразных компонентов, но из общих, единых, в каком-то смысле одинаковых. При этом следует подчеркнуть, что пока еще нет общепринятого научного, теоретически развернутого определения сферы общественной жизни. Конечно, это не означает, что вообще нет общности в понимании сферы общественной жизни. Все исследователи под сферой общественной жизни понимают элемент общества, его часть, объективно существующую, как-то структурно оформленную, связанную с другими сферами, с обществом в целом [3, с. 47].

Нам представляется, что использование в данном контексте понятия «сфера» не совсем удачно. Само слово «сфера», как известно, означает в геометрии «замкнутую поверхность, все точки которой одинаково удалены от центра». В данном смысле оно невольно наводит на мысль об обособленности этих частей общества, хотя они неразрывно связаны. Поэтому, наиболее подходящим для целей нашего исследования мы считаем понятие «подсистема».

Одним из вопросов, в решении которого нет однозначности, является вопрос о количестве общественных подсистем. Так, например, Р. Штейнер делит общество на три подсистемы: духовную, политическую и экономическую [4]. Подобное деление общества предлагает и русский философ Л. П. Карсавин. В своей работе «Основы политики» он обосновывает выделение следующих подсистем: 1) государственной или политической; 2) духовно-культурной и 3) материально-культурной [2, с. 188–193]. Общественную жизнь как единство четырех подсистем (экономической, социальной, политической и духовно-идеологической) рассматривает марксистская философия. Встречаются и представления о пяти подсистемах общества. Так, В. Г. Афанасьев подразделяют общество на пять подсистем: экономическую, политическую, социальную, духовную и семейно-бытовую» [1, с. 270]. Можно привести и другие примеры, которые свидетельствуют о разных подходах к выделению основных подсистем общества.

Еще одной проблемой функционального анализа общества является выделение той подсистемы общества, которая определяет все другие, доминирует в обществе. Большинство исследователей признают разномасштабность подсистем общества и обосновывают на этой основе выделение определяющей подсистемы. Так, например, сторонники идеалистической модели общества отстаивают примат духовной сферы общества. Марксизм утверждает определяющую роль экономической подсистемы. Л. П. Карсавин на первое место в иерархии подсистем общества ставит государственную или политическую подсистему [2, с. 190–191].

Мы исходим из того, что социальная система, как любая сложная живая система, призвана, прежде всего, обеспечить свое существование, т. е. обеспечить воспроизводство своего основного элемента – субъекта. Для достижения этого она должна решить следующие задачи:

1) организовать производство необходимых средств, которые призваны удовлетворять потребности составляющих ее субъектов. При этом эти средства должны удовлетворять как потребности в материальных предметах, так и в информационно-символических образованиях. Это в свою очередь предполагает наличие двух видов производства: материального и информационно-символического;

2) организовать распределение этих средств и тем самым обеспечить оптимальное функционирование и развитие системы.

Таким образом, в качестве основных подсистем общества можно выделить: 1) экономическую; 2) информационно-символическую; 3) подсистему управления общественными процессами (политическая); 4) собственно социальную.

Каждая подсистема имеет свою функцию. Так, экономическая подсистема призвана создавать определенные материальные блага, необходимые для удовлетворения потребностей людей. Сходную функцию выполняет и информационно-символическая подсистема. Она обеспечивает по-

лучение и накопление информации, необходимые для удовлетворения потребностей людей, и закрепляет ее в символической форме. С момента появления классов и государства как аппарата власти эта сфера управления принимает идеологический характер, т. е. начинает отражать социальную действительность с точки зрения интересов определённых групп или классов, стремящихся сохранить существующий порядок вещей.

Подсистема управления общественными процессами отвечает за организацию распределения того, что было создано в производственной и информационно-символической подсистемах для достижения оптимального функционирования и развития общества. С момента появления классов и государства как аппарата власти сфера управления принимает характер политического управления обществом. Субъектом управления начинает выступать определенная группа лиц, которая вырабатывает общие для всего государства цели, с которыми, так или иначе, согласовываются все остальные более частные цели отдельных сфер и деятельности индивидов в обществе.

В социальной подсистеме происходит потребление того, что создается в производственной и информационно-символической подсистемах. Это потребление вместе с тем является и воспроизводством человека как природного, социального и культурного существа.

Выделение данных функций исходит из посылки, что взаимодействие между этими подсистемами определяется доминированием социальной подсистемы. Однако данная организация взаимодействия является идеальной моделью, примеры воплощения которой в реальной истории почти исключительны. Дело в том, что каждая из подсистем имеет свои средства (инструментальные по отношению к системе как целому) для реализации своей системной функции. Так, например, для экономической подсистемы таким средством является получение прибыли, для политической подсистемы – власть. Однако подсистемы стремятся превратить эти средства в самостоятельные цели, первоначально в собственных рамках, а затем и всей социальной системы в целом. В результате, каждая подсистема стремится стать доминирующей и навязать свое средство, превращенное в цель, всей системе в целом. Однако это стремление наталкивается на противодействие других подсистем, преследующих ту же цель. Кроме того, на этот процесс оказывает влияние то обстоятельство, что «осознание» своего интереса каждой подсистемой происходит в разные исторические периоды. Раньше всех «осознают» свои интересы подсистемы управления общественными процессами (политическая) и информационно-символическая. Это происходит в эпоху разложения первобытнообщинного строя и формирования первых государственных образований. Именно между этими подсистемами первоначально разворачивается борьба за доминирование (образно говоря между «жрецом» и «царем»).

«Осознание» интересов экономической подсистемы происходит в результате формирования расширенного воспроизводства. В Западной Европе это происходит в так называемый «новый» период ее истории. Именно тогда экономическая система включается в борьбу за доминирование.

«Осознание» интересов собственно социальной сферы не связано с каким-то конкретным историческим периодом. Это скорее не процесс, а состояние, связанное с формированием «гражданского общества».

Таким образом, история человечества – это история борьбы за доминирование между этими подсистемами.

Библиографический список

1. Афанасьев В. Г. Системность и общество. – М. : Политиздат, 1980. – 368 с.
2. Карсавин Л. П. Основы политики // Россия между Европой и Азией : Евразийский соблазн. Антология. – М. : Наука, 1993. – С. 174–216.
3. Марксистско-ленинская теория исторического процесса : Ист. процесс: целостность, единство и многообразие, формац. ступени / отв. ред. Ю. К. Плетников. – М. : Наука, 1983. – 535 с.
4. Штейнер Р. Основные пункты социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего // Библиотека духовной науки [сайт]. – URL: <http://www.bdn-steiner.ru/modules.php?name=Steiner&go=page&pid=23> (дата обращения

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ПОЛИТИКА»

Е. А. Федоринова

*Санкт-Петербургский университет
МВД России,
г. Санкт-Петербург, России*

Summary. The article examines the nature and content of the concept of «politics» and the historical and methodological problems of its scientific analysis.

Key words: state, politics, society, political science, power, government, management

Определяющую роль в жизни любого современного общества играет политика.

Содержание термина «политика» многозначно. В разговорной речи он используется, в частности, при характеристике образа действий (поступков), отражающих линию поведения лица в семье, коллективе, обществе, его отношение с другими людьми и т. п. [5].

В мировой и российской политической и философской литературе бывают старое и новое определения политики. Начало этому термину было положено мыслителем древности Аристотелем в его сочинении «Политика» – трактате о государстве, правлении и правительстве. В греческой транскрипции термин «политика» подразделяется на существительное *polis* (город-государство) и прилагательное от него *politikos* (все то, что свя-

зано с государством и наполняющим его сообществом граждан). Политика – сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и др. социальными группами, ядром которой является проблема завоевания, удержания и использования государственной власти... [10]

Понятие политики неразрывно связано с понятием государства. Со времени Древней Греции и до Нового времени политика традиционно рассматривается как всеобъемлющая идея о государстве и власти государственного (институционального) уровня.

В конце XIX – начале XX в. в странах запада и в России складывается новое качество политики. На смену грубой, единственно силовой борьбе за власть постепенно приходят цивилизованные формы отстаивания классовых, групповых и индивидуальных интересов, поиск консенсуса в рамках права и закона. Все это и побудило обществоведов конкретизировать определение политики, обособить политику как науку от наук о государстве и государственном управлении. Представление о политике в этой связи значительно расширилось и оказалось предметом самых разных толкований [3].

Новое, совершенно особое «измерение» политики предложил марксизм. В его трактовке политика не конъюнктура отдельных деятелей, а наука и политический процесс, обусловленные способом производства материальной жизни [8].

Рассматривая политику и политическую идеологию в тесной связи с экономикой, они обратили внимания на многообразие влияния самой политики на экономическую жизнь. В письме к К. Шмидту Фридрих Энгельс отличал, что «экономическое движение в общем и целом проложит себе путь, но оно будет испытывать на себе также и обратное действие политического движения, которое оно само создал и которое обладает относительной самостоятельностью» [9].

Российские политические мыслители Нового времени расширили марксово толкование политики до выражения не только экономических, но и других социальных потребностей классов и государства. Для В. И. Ленина политика являлась одновременно и сложной наукой, и тончайшим искусством, цель которых – облегчить муки родов нового общества и политического предвидения [7]. «Политика – по определению В. И. Ленина, «есть участие в делах государства, направление государства, определение форм, задач, содержания деятельности государства». К сфере политики относятся вопросы государственного устройства, управления страной, руководства классами, партийной борьбы и т. п. В политике находят свое выражение коренные интересы классов и взаимоотношения классов» [4].

В отличие от русских марксистов видный немецкий социолог и политолог Макс Вебер не считал ни одну из сфер общества (экономику, политику, идеологию) определяющей [2]. В его трактате политика есть не что иное, как «стремление к участию во власти или оказанию влияния на рас-

пределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства, между группами людей, которых оно в себе заключает» [1].

Автор этого определения, следовательно, отождествлял политику и власть, во власти он видел главную суть политики. Хотя, политика шире власти и тем более государственности. В своем подходе к политике Вебер был не одинок.

Аргентинский ученый С. Ди Телла в «Словаре социальных и политических наук», следуя веберовской традиции, все и вся сводит к одной «власти»: «Если политика есть деятельность, то политическая теория – это рефлексия, интерпретация этой деятельности... Сфера политики имеет своим объектом власть – экономическую, социальную, политическую» [3].

Политика – это функционирование в равной мере и политической мысли, и волеизъявления тех или других классов и социальных групп общества; недостаточно каким-либо идеям промелькнуть в нескольких головах, надо, чтобы они получили социальную реализацию. Главная беда современного демократического, как и ранее советского, общества состоит в том, что политика еще не стала для социальных групп и классов ни наукой, ни цивилизованной практикой. В ней отсутствуют в должной мере всесторонняя взвешенность, зрелость, единство слова и дела, основательная политическая культура и нравственность [5].

Мыслители древней, средневековой и новой эпох, опираясь на различные парадигмы (подходы к людям), по-разному толковали происхождение и сущность политики. Одни исходили из ее божественного начала, другие объясняли рождение и развитие политики под воздействием природных, социальных и внутригосударственных факторов.

В отечественной литературе принято выделять две основные трактовки политики – широкую и узкую. Политика в широком смысле охватывает общественные явления, совокупность которых составляет политическую сферу жизни общества. Она включает политические отношения, политические организации и их деятельность, а также политические взгляды, идеи, теории и тому подобные идеологические факторы. Ее основу составляют отношения между группами по поводу использования институтов публичной власти для реализации их общественно значимых запросов и потребностей [11]. Под политикой же в узком смысле принято понимать практическую деятельность государства и других субъектов политики [12]. Это «особого рода деятельность, регулирующая отношения членов общества, объединенных в различные социальные группы и классы, с целью сохранения определенной общественной структуры и организации, а также с целью ее дальнейшего развития и совершенствования в интересах, как правящего класса, так и общества в целом» [13].

Таким образом, политика – исключительно сложное социальное явление. Политика – объект многих взаимосвязанных наук (политологии, истории, социологии, философии, юриспруденции и др.). Практически все

науки об обществе, человеческой деятельности в той или иной мере интересуются феноменом политики, но каждая под своим углом зрения. В результате политика одновременно исследуется с различных сторон, в разных ракурсах и аспектах, на разных уровнях и в различных направлениях.

Библиографический список

1. Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с.
2. Воронин М. Ю., Прохорова М. И. К вопросу о содержании понятия «государственная политика контроля над наркотиками» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – № 4. – С. 214–218.
3. Ильин М. В., Коваль Б. И. Что есть политика и что – наука о политике (Опыт нетрадиционного обзора) // Полис. Политические исследования. – 1991. – № 4. – С. 103–115.
4. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеев. – М., 2012. 491 с.
5. Левченкова Е. А. Место и роль правовой политики в общей политике государства // Механизм правового регулирования: теория и практика современной России : материалы межвузовской студенческой научно-теоретической конференции. Санкт-Петербург, 26 марта 2002 / под общ. ред. В. П. Сальникова, Р. А. Ромашова. – СПб. : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2002. – С. 85–89.
6. Левченкова Е. А. Правовая политика государства и ее приоритеты в сфере правоохранительной деятельности органов внутренних дел (теоретико-правовой аспект) : дис. ...канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 234 с.
7. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 41. – М., 1981. – 696 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. – М., 1959. – 771 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 37. – М., 1965. – 600 с.
10. Новая философская энциклопедия. В 4 томах. Т. 4. – М., 2010. – 736 с.
11. Основы политической науки : учебное пособие для вузов. В 2 частях. Ч. 1 / под ред. В. П. Пугачева. – М., 1993. – 223 с.
12. Пичугин П. В. Место и роль политики в развитии советского общества. – М., 1971. – 124 с.
13. Спиркин А. Г. Основы философии : учебное пособие для вузов. – М., 1988. – 591 с.

II. HISTORICAL AND ACTUAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF SOCIETIES AND GOVERNMENTS

ВСЕСОЮЗНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО БИБЛИОТЕЧНОМУ ДЕЛУ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ И УКРЕПЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА (на примере Тамбовского края)

И. В. Ураева

*Кандидат исторических наук,
Тамбовский государственный
университет им. Г. Р. Державина,
г. Тамбов, Россия*

Summary. The article presents the characteristics of national measures, which were held in the USSR in the late 1920s and early 1930s. The basic achievements and deficiencies identified in the course of events. The material is presented by the example of the organization of library services in the Tambov region.

Keyword: national events; All-Union Library Census; Tambov Region.

В конце 1920-х начале 1930-х гг. органы государственной власти СССР уделяли значительное внимание подъему культурно-технического уровня населения, массовому изданию и распространению общественно-политической, художественной и научно-технической литературы. С этой целью в нашей стране проводились общегосударственные мероприятия различного уровня.

Так, в августе 1932 г. по Тамбову была объявлена кампания по сбору книг для сельской местности. При Тамбовском горкоме комсомола был организован штаб по сбору книг, также книги поступали на пункт сбора, созданный при Центральной библиотеке. В результате проведенных мероприятий было собрано достаточно большое количество книг, что позволило повысить количественный и качественный состав книжного фонда в первую очередь сельских библиотек.

Для более широкого изучения работы библиотек по обслуживанию населения, для изучения состояния материальной базы и установления количества библиотек всех видов, их книжных фондов, числа и состава библиотечных работников в 1934 г. Центральным статистическим управлением СССР была проведена по указанию ЦИК СССР Всесоюзная библиотечная перепись. Она способствовала привлечению к положению библиотечного дела в стране внимания партийных, советских, профсоюзных и комсомольских организаций на местах. Перепись наглядно выявила начавшиеся сдвиги в библиотечном обслуживании населения по сравнению с пер-

выми годами советской власти, имеющиеся достижения и недостатки. Переписью было учтено число общественных библиотек всех ведомств и организаций с различными книжными фондами.

В г. Тамбове, по данным отдела народного образования, в 1934 г. насчитывалось 45 библиотек. Из них в 14 профсоюзных библиотеках находилось 54 295 книг и 4 756 читателей. К сожалению, в переписи не получили достаточно полного отражения данные о читателях библиотек, общее число которых в это время составляло 15,3 млн. [1, с. 63; 2, с. 20].

Из постановления СНК РСФСР от 29 ноября 1935 г. «Об итогах библиотечной переписи 1934 года по РСФСР» следует, что в ходе проведения библиотечной переписи были выявлены следующие недостатки постановки библиотечного дела в стране: «...недостаточная мощность сельских библиотек..., ...недостаточна сеть детских и школьных библиотек..., ...недостаточно использование имеющегося в общественных библиотеках книжного фонда..., недостаточно развернута работа библиотек по межбиблиотечному абонементу, более 50 % библиотекарей не имеет законченного специального образования» [2, с. 123].

В результате проведения переписи были обнаружены резкие несоответствия в распределении книжных фондов между библиотеками города и сельской местности. Поэтому в целях улучшения библиотечной работы в сельской местности по инициативе Наркомпроса РСФСР и ЦК ВЛКСМ было решено провести Всесоюзное социалистическое соревнование на лучшую постановку библиотечного дела на селе. Конкурс проходил с 15 июля 1935 года по 1 января 1936 года. Основной задачей соревнования было привлечь внимание всех комсомольских, советских, профессиональных организаций и широких масс населения к укреплению существующих и созданию новых сельских и совхозных библиотек, обеспечение их высококвалифицированными кадрами библиотечных работников и улучшение их работы по обслуживанию читателей.

В результате проведенного соревнования за 6 месяцев на селе было открыто 6 047 библиотек. Уже к концу 1935 года конкурс дал свои практические результаты: в Воронежской области были открыты 37 новых библиотек [3].

Все проводившиеся в тридцатые годы общесоюзные мероприятия в области библиотечного дела, были направлены на решение таких задач как расширение сети сельских, колхозных, совхозных библиотек, совершенствование пропаганды книги и руководства чтением, привлечение новых читателей, пополнение и качественное улучшение книжных фондов, что нашло свое отражение на формировании и укреплении советского общества.

Библиографический список

1. Абрамов К. И. История библиотечного дела в России: учеб.-метод. пособие для студентов, преподавателей и библиотекарей-практиков. – М. : Изд-во «Либерия», 2001.
2. Материалы к истории библиотечного дела в СССР. (1917–1959 гг.). – Л., 1960.

3. Ураева И. В. Отражение общегосударственных мероприятий по библиотечному делу в Тамбовском крае // Социально-гуманитарные проблемы современности : межвуз. сб. науч. тр. – Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011.

III. CIVIL SOCIETY AND CONSTITUTIONAL STATE: EVOLUTION AND INTERCONNECTION OF PHENOMENA

ОТКРЫТОСТЬ И ПУБЛИЧНОСТЬ В РАБОТЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ МЕХАНИЗМОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ МИГРАНТОВ

Т. М. Бормотова

*Кандидат социологических наук,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России,
г. Москва, Россия*

Summary. The article deals with social problems caused by migration, which in the conditions of modern Russian reality, accompanied by many negative phenomena such as illegal stay on the territory of Russia for foreign citizens and stateless persons.

Keywords: migration; migration policy; the integration of immigrants; international migration.

Сложившаяся в странах СНГ и Балтии современная политическая, социальная, экономическая, демографическая ситуация является причиной миграционных потоков. Анализ правоприменительной практики выявил необходимость постоянного изучения указанных тенденций, посредством регулирования притока мигрантов, а также расчета ожидаемого числа беженцев и вынужденных переселенцев, включая внутреннюю миграцию на территории Российской Федерации. «Миграция населения меняет этнокультурный облик регионов и создает напряженность в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений» [1, с. 189].

По данным Автоматизированной системы аналитической отчетности Федеральной миграционной службы за первый квартал 2015 года зафиксировано более 19,5 млн. пересечений иностранными гражданами государственной границы Российской Федерации. Среди субъектов лидером по количеству пересечений в отчетном периоде стала Московская область, где государственную границу (на въезд) пересекли 14,0 % от общего количества пересечений, что на 10,9 % больше показателя за аналогичный период прошлого года.

В тоже время проявляется и незаконная миграция, сведения о которой порой противоречивы.

По данным ГИАЦ МВД России за I квартал 2015 года всего на территории Российской Федерации зарегистрировано 531,4 тыс. преступлений (-3,6 %), раскрыто – 304,2 тыс. преступлений (-1,5 %).

Иностранцами гражданами на территории Российской Федерации совершено 12 858 преступлений (+5,9 %), в т. ч. гражданами СНГ – 11 249 преступлений или 87,4 %.

Удельный вес совершенных иностранцами гражданами преступлений в общем количестве раскрытых по Российской Федерации составляет 4,2 %.

Наибольшее количество преступлений, совершенных иностранцами гражданами, зафиксировано в Центральном федеральном округе (50,3 %).

Также неоднозначны и проблемы оптимизации противодействия незаконной миграции, которые обуславливаются сложностью определения количественных характеристик данного явления, которые часто не соответствуют действительности, а также нестабильностью социальной, политической и экономической ситуации в стране.

Связанные с незаконной миграцией процессы негативно влияют на демографический и экономический потенциал страны, замедляют модернизацию производств и развитие технологий, приводят к криминализации экономической и социальной сфер.

Одной из детерминант организованной преступности, представляющей доходную сферу организованной преступной деятельности, является незаконная миграция.

В настоящее время не существует точных оценок количественных показателей незаконной миграции в России. По мнению ученых, в нашей стране незаконно проживают 15 млн. человек, из которых 80 % составляют граждане СНГ. В то же время число стран-реципиентов стремительно расширяется (Афганистан, Вьетнам, Индия, КНР, КНДР, Монголия, Пакистан). От 70 до 80 % всех незаконных мигрантов являются представителями центрально-азиатских республик.

По оценкам некоторых аналитиков, при условии сохранения ныне существующей миграционной политики, к 2020 году в России будет находиться постоянно до 10 млн. незаконных иммигрантов. Однако следует еще раз отметить, что эти данные носят весьма приблизительный характер в виду отсутствия достоверной статистики, отражающей их реальную численность, а также общепринятой методики выявления и учета латентной миграции. Тем не менее, эти оценки позволяют сделать неутешительный вывод о том, что миграция населения, в том числе и нелегальная, неуклонно растет, представляя серьезную угрозу различным аспектам безопасности общества и государства.

Складывающаяся ситуация с внешней и внутренней миграцией предопределяет необходимость осуществления более эффективной правовой регламентации миграционных отношений и реализации правовых установлений в данной сфере с целью упорядочения и учета миграционных потоков, защиты прав и интересов граждан Российской Федерации, обеспечения национальной безопасности.

Анализ законодательства, правоприменительной практики органов внутренних дел, изучение научных исследований в данной сфере позволяют говорить о существующих проблемах в системе правового регулирования миграционных процессов в современной России. Миграция характеризуется определенным уровнем самостоятельности от политики государства, что значительно усиливает существующие угрозы национальной безопасности. Государственное управление миграционной сферой осуществляется как правовыми средствами, с помощью, прежде всего, императивных, запретительных методов, так и административными. Однако в современном российском обществе использование таких методов приносит положительный эффект только при их адресном использовании и наличии реального механизма их реализации, что обуславливает проведение детального научного анализа возникающих проблем.

Быстро меняющаяся в современных условиях миграционная ситуация ставит новые вызовы перед системой государственного управления, которая не всегда эффективно и своевременно реагирует на возникающие проблемы. Подтверждением изложенного является обострение миграционной ситуации в стране в связи с мировыми финансово-экономическими потрясениями, когда миграционные потоки оказывают негативное влияние на стабильность российского общества. Совершенствование государственного управления в исследуемой сфере обуславливает необходимость пересмотра существующей системы взглядов на правовое и организационное регулирование миграции в Российской Федерации. «Кроме того, более подвижное население, как правило, бывает и социально более активным. В чисто демографическом отношении, миграция не только увеличивает численность населения отдельных территорий, но и опосредованно влияет на динамику демографических процессов, ибо мигранты, как наиболее молодые по возрасту, участвуют в воспроизводстве населения» [2, с. 60].

В системе мер регулирования миграционных процессов, осуществляемых МВД России и ФМС России значительное место занимает паспортно-визовая, административно-правовая, профилактическая работа, связанная с регистрационным учетом, контролем за иностранными гражданами и лиц без гражданства, их выдворением с территории Российской Федерации и депортацией. Вместе с тем, в период глобального изменения мирового порядка присутствует необходимость постоянной оптимизации стратегии миграционной политики, которая усугубляется тем, что в настоящее время не принята концепция миграционной политики, которая должна содержать основы оптимального регулирования миграционных процессов в России и, как следствие, соответствующие программные мероприятия по ее реализации. Кроме того, вопросы миграционной политики относятся также к деятельности федеральных органов исполнительной власти. Так, миграция, кроме ФМС России, попадает в сферу интересов политического (МИД России), силового (МВД России, Минобороны России, ФСБ России, ФССП

России) и социально-экономического блока (Минздравсоцразвития России, Минфина России, Минэкономразвития России, Минтранса России и Роструда). Поэтому эффективность миграционной политики могла быть намного выше при условии более скоординированного взаимодействия указанных федеральных органов исполнительной власти.

Учитывая все представленные обстоятельства в миграционной политике России, позволит в необходимой степени совершенствовать регулирование миграционных процессов, направлять их в русло социально-экономического созидания.

Библиографический список

1. Бормотова Т. М. Воздействие миграции на изменение этноконфессионального ландшафта в России // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2012. – № 15. – С. 189–191.
2. Бормотова Т. М. Миграция в контексте глобальных демографических и социальных процессов // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2015. – № 10. – С. 60–62.

РЕГИСТРАЦИЯ ПО МЕСТУ ПРОЖИВАНИЯ ДЛЯ БЕЗДОМНЫХ ГРАЖДАН, КАК СРЕДСТВО ДОСТУПА К СОЦИАЛЬНОМУ И ПЕНСИОННОМУ ОБЕСПЕЧЕНИЮ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА (сравнительно-правовой анализ)

С. В. Семенцул

*Магистр,
Центр ночного пребывания и социальной
адаптации лиц без определенного
места жительства «REÎNTOARCERE»,
г. Бельцы, Молдова*

Summary. The article shows and argues the central role of the institute of registration according to place of residence as being a real regulator of the legal vulnerability of homeless people in accessing social security and pension. After all, homeless citizens are as a mirror reflection in modern reality of human rights observance and effectiveness of state financial support of needy segments of the population. Based on this study, the author formulated the theoretical and practical approach to the formation of a legal mechanism of public policy in the social and economic support for the population without direct dependence on the institute of registration according to place of residence.

Keywords: homeless citizens; social benefits; pensions; institute of registration according to place of residence; state; human rights.

Введение. Находятся ли сегодняшние натурализованные бездомные граждане Республики Молдова в заложниках кризиса правовой государственной системы социальных пособий и пенсионного обеспечения для

оформления и получения ежемесячной денежной выплаты? Казалось бы, на первый взгляд, нет оснований сомневаться в правовом доступе натурализованных бездомных граждан страны к данным гарантированным государством материальным обеспечениям, но, к сожалению это не так. Главным фактором, обуславливающим доступ к получению бездомными гражданами ежемесячной денежной выплаты является регистрация по месту проживания.

Изложение материала. Отталкиваясь от установленных современным государством Республики Молдова нормативно-правовых правил, можно смело утверждать о том, что в настоящее время институт регистрации по месту проживания имеет социальную важность в реализации натурализованными бездомными гражданами собственных конституционных прав и свобод на территории страны. Поскольку институт регистрации по месту проживания намного снижает возможность данной этно-категории социума в доступе к государственным социальным пособиям и пенсиям, что нарушает ч. 2 ст. 47 Конституции РМ [1].

Правовая проблема доступа к получению ежемесячной денежной выплаты бездомными гражданами является чрезвычайно актуальной и практически значимой для поддержания государством страны уровня материального благосостояния человека. Специфика такой социальной политики государства характеризуется обязанностью законодательного органа власти создавать на нормативно-правовом уровне доступные всем проживающим гражданам страны равные возможности при назначении государственного социального пособия для достижения уровня прожиточного минимума, а также оформления пенсии (по возрасту, инвалидности, случаю потери кормильца) от социальных рисков. Диктуемая с 90-х годов XX века законодательным органом страны оптимизация бюджетных средств во всех отраслях государственных структур власти, привела к переплетению выплаты социальных и пенсионных гарантий с институтом регистрации по месту проживания в целях эффективности и качества исполнения государством собственных функций и предоставления услуг обществу.

Существующая проблема оказания государственных выплат социальных и пенсионных гарантий через институт регистрации по месту проживания территориальными кассами социального страхования (ТКСС) функционирующие под руководством и контролем Национальной кассой социального страхования на первый взгляд касается только бездомных граждан, у которых отсутствует необходимое условие, требуемое нормативно-правовым регулированием страны. Однако одновременно с этим вызывает существенное социально-экономическое последствие и для среднестатистических граждан имеющих регистрацию по месту проживания. Причиной социально-экономического ущерба всех граждан страны становится утеря по различным мотивам регистрации по месту проживания, что наносит ощутимое умаление прав в назначении государственных социаль-

ных пособий и пенсий, сформировав строгое сословное деление граждан, которое подтверждается:

1) ст. 44 Закона РМ «О государственной системе социального страхования» №489-XIV от 08.07.1999 г. [2] и Постановления Правительства РМ «Об утверждении Устава Национальной кассы социального страхования Республики Молдова» № 739 от 25.07.2000 г. [3] – деятельность Территориальных касс социального страхования осуществляется на территориальном уровне, что означает ярко выраженное влияние института регистрации на государственную структуру власти. Вместе с тем существуют социальные пособия на местном уровне, которые можно назначать по месту фактического проживания заявителя, вне зависимости от регистрации по месту проживания, согласно ст.9 Закона РМ «О социальном пособии» № 133 от 13.06.2008 г. [4] Таким образом, государство законодательно налагает на органы местного самоуправления бремя неравномерного распределения финансовой нагрузки в социальной поддержке нуждающихся граждан;

2) ч.2 ст.31 Закона РМ «О пенсиях государственного социального страхования» №156 от 14.10.1998 г. – пенсия назначается по заявлению и необходимых документов предоставляемых в территориальный орган социального страхования по месту постоянного проживания (регистрации) застрахованного лица [5]. В целом на практике бездомные граждане, пытающиеся реализовать свое право на социальные пособия либо пенсии при условиях навязываемыми рыночной экономикой и деградирующей государственной системой, сталкиваются с обеспечением благодатной почвой построения формально-юридических барьеров, нарушая социальное равновесие доступа к гарантированному денежному содержанию населения страны, что предусмотрено ст. 22 Всеобщей декларацией прав человека [6]. Тем самым созданный специфический механизм фиксации границ дозволенного права законодательным органом утвердил порочную практику занижения социально-бюджетных средств для лиц, у которых отсутствует регистрация по месту проживания (бездомных граждан). Согласно этому подходу, автор данного исследования придерживается точки зрения Mortimer Sellers, Tadeusz Tomaszewski «все правители совершают ошибки и эти ошибки, чаще всего, точно отслеживаются их собственному классу либо личной корыстью» [7, р. 5].

Иными словами, ухудшается имидж Республики Молдова перед мировыми державами как страны, гарантирующей правовую социальную защищенность личности и беспрепятственное использование общепризнанных прав и свобод. Одним из главных показателей имиджа страны является категорическое разделение этно-категорий граждан через институт регистрации по месту проживания, что означает признание государством на законодательном уровне различную этно-социальную принадлежность для возможности получения правового доступа к социальным и пенсионным

выплатам, что нарушает ч. 1 ст. 13 Европейской социальной хартией (пересмотренной) [8]. Именно такой национальный менталитет государственных служащих, занимающих ответственные должности в Парламенте и Правительстве страны, оставляют бездомных граждан в безвыходном социально-экономическом положении, что приводит к нарушению беспристрастного и объективного служения общественному интересу, согласно п. а) ст. 4 Закона РМ «О конфликте интересов» №16-XVI от 15.02.2008 г. [9] В этом случае можно с уверенностью говорить о стагнации в социальной сфере по доступу бездомных граждан к государственным социальным и пенсионным выплатам на законодательном уровне.

Все теоретико-практическое положение социальных и пенсионных правоотношений бездомных граждан с государством, выступает по значимости движущей силой экономического ресурса, необходимого для обеспечения жизнедеятельности человека, которое обусловлено: во-первых, самым востребованным денежным ресурсом с целью возмещения утраченного заработка либо оказания дополнительной материальной помощи; во-вторых, право на доступ к подобным материальным гарантиям является сравнительно давним в нормативно-правовом регулировании страны. Между тем применение соответствующих нормативно-правовых актов продолжают до настоящего времени обнажать на практике проблему, вызванную затруднениями доступа бездомных граждан к государственным социальным и пенсионным выплатам: 1) п. 1 ст. 10 Закона РМ «О социальном пособии» № 133 от 13.06.2008 г. – выплата социального пособия осуществляется за предыдущий месяц выбранным получателем поставщиком платежных услуг [4]. Существующее требование в необходимости действующей регистрации по месту проживания законодательным органом власти страны завуалирован; 2) п. 1 ст. 34 Закона РМ «О пенсиях государственного социального страхования» № 156 от 14.10.1998 г. – выплата пенсий производится ежемесячно за текущий месяц по месту жительства [5]. Эти определяющие условия нормативно-правовых правил являются обязательными для всех граждан страны, вне зависимости от социального статуса и без каких либо исключений. К сожалению, следует констатировать, что правовая политика современного государства далека от соблюдения социальных ценностей. В результате автор исследования обосновано утверждает об необходимости процесса внедрения в органику отношений государства и бездомных граждан. Для подтверждения данной позиции можно привести мнение Лукашева Е. А. «новые процессы в сфере экономических, политических, нравственных отношений требуют поиска новых параметров взаимоотношений государства и индивида» [10, с. 197].

В общем виде такое нормативно-правовое условие для получения государственных социальных и пенсионных выплат можно провести параллелями с поставщиками платежных услуг. Так, основными поставщиками платежных услуг выступают: 1) государственное предприятие «Poșta

Moldovei» (Почта Молдовы); 2) финансовые учреждения – банки. Параллельно складывается правовое видение поставщиков платежных услуг социальных и пенсионных выплат, как меру обеспечения исполнения правил поведения, которые закреплены в настоящей модели законодательной базы по доступу населения к социальным услугам государства. Подобная правовая реальность приводит к следующему, при утере регистрации по месту проживания, вызванное различными причинами, физическое лицо не будет иметь возможности одерживать государственные социальные и пенсионные выплаты: во-первых, в почтовом отделении по месту жительства, согласно п. 3 Постановлением Правительства РМ «Об утверждении Положения о порядке выплаты пенсий в системе государственного социального страхования и государственных социальных пособий» № 929 от 15.08.2006 г. [11]; во-вторых, являясь держателем персонализированной банковской карты в получении денежных переводов в национальной валюте. Причиной этому становится нормативно-правовое требование в предоставлении банку полной информации о будущих резидентах (держателях) банковских карт, включающие в себя: фамилию и имя, дату рождения и регистрацию по месту проживания (адрес проживания), которая обязана действовать до окончания функционирования персонализированной банковской карты, согласно п. а) ч. 9 ст. 3 Закона РМ «О валютном регулировании» № 62 от 21.03.2008 г. [12] и п. 11 Приложения № 1 Постановления НБ РМ «Об утверждении, изменении, дополнении и аннулировании некоторых нормативных актов Национального Банка Молдовы» № 157 от 01.08.2013 г. [13].

Сегодняшняя правовая реальность деятельности государственного аппарата страны базируется на консервативном (неизменном) социально-политическом явлении, связанного с режимом законности определенных требований к гражданам Республики Молдова в получении социальных и пенсионных выплат, тем самым сохраняя контроль над ситуацией. Получается, что отождествление гражданина и института регистрации по месту проживания порождает иллюзию достаточно легкого решения задачи осуществления и укрепления законности по одерживанию денежных выплат. Таким образом, содержание законодательства в социальной сфере определяет правовой феномен «привилегированной социальной защиты» – это стереотип гарантированной защиты прав человека, выстраивающейся по иерархии стратификационных критериев через регистрационную систему страны, становясь манипулятором доступа к социальным услугам населения, обеспечивая увеличение неравенства и социальной нестабильности в обществе [14].

Институт регистрации по месту проживания законодательно выделяется государственным аппаратом страны, как всеобщая и необходимая форма свободы в системе социальных пособий и пенсионного обеспечения для граждан, как отражение подлинно демократической ценности. Несмот-

ря на демократический пафос, данная точка зрения встречает довольно негативные отклики и недоумение у населения страны. Ведь сохраняющиеся требования в нормативно-правовых актах по социальным и пенсионным выплатам через регистрацию по месту проживания в большинстве своем порождают бесправие бездомных граждан, демонстрируя пробелы и несовершенство официальных документов.

Результат. Этот парадокс объясняется отсутствием принципа правовой справедливости, создавая невыносимые условия жизни для натурализованных бездомных граждан, тем самым удерживая социальное неравенство. Однако введя законодательным органом власти, правовое требование существования действующей регистрации по месту проживания для получения социальных и пенсионных выплат, удалось резко снизить дотационную нагрузку на государственный бюджет страны. При выбранном государством курсе жесткого административного контроля социальных расходов связанных с институтом регистрации по месту проживания, бездомные граждане практически не имеют альтернативы. Такое крайне тяжелый правовой доступ к социальным и пенсионным выплатам бездомных граждан, оказывается нецелесообразным, т. к. выражается в их дискриминации по соблюдению социальных интересов данной этно-категории социума, как социально уязвимого слоя населения. Весь итог развития современного социального права конца XX в. начала XXI в. сводится к одной мысли Алексева Н. Н. «государство со всеми его сложившимися и обширными функциями просто сводится к тому, что несколько более сильных, жестких и хитрых, захватив в свои руки власть, ведут постоянную практику насилия, т. е. иными словами, ведут скрытую классовую борьбу» [15, с. 121].

Выводы. До настоящего времени представителями государственного аппарата страны не принимается во внимание необходимость формирования единой социальной справедливости среди населения, с помощью которой возможно будет дифференцировать (разделить) существующего целого для существования либо отсутствия регистрации по месту проживания у разных категорий граждан. На этой основе, возможно, установить контроль за денежными социальными и пенсионными дотациями граждан, у которых существует либо отсутствует регистрация по месту проживания.

Для рационального решения проблемы справедливости и эффективности социальных расходов в виде пособий и пенсионных выплат, необходимо выполнить последующие задачи:

1. Изменить и дополнить в нормативно-правовые акты получения социальных и пенсионных выплат без института регистрации по месту проживания.
2. Создание общенациональной единой базы персональных данных через автоматизированные средства (программное обеспечение) для оформления социальных пособий и пенсионных выплат, оказания соци-

альных услуг, а также посреднических услуг по трудоустройству Агентства Занятости Населения.

3. Дополнение к Закону РМ «О защите персональных данных» № 133 от 08.07.2011 г. [16] о возможности сотрудниками государственной социальной сферы осуществить в устной/письменной форме обработку персональных данных (регистрации по месту проживания) дееспособных граждан через идентификационный номер (IDNP) внутреннего удостоверения личности от сотрудников Отделов учета и документирования населения. Данную процедуру сотрудники социальной сферы могут совершить только с согласия граждан, предусмотренной ст. 9 настоящего органического закона [16].

По сути, при предоставлении заявителем собственного внутреннего удостоверения личности сотруднику социальной сферы, автоматически дается устное согласие в совершении определенных действий на весь срок получения информации о существовании действующей регистрации по месту проживания для государственной поддержки обратившегося гражданина.

4. Сотрудники социальной сферы, установившие факт места регистрации гражданина, который не относится к данному региону Республики Молдова по месту обращения, обязаны: а) открыть через автоматизированное средство (программное обеспечение) на имя обратившегося гражданина социальную карту. Внести в данную социальную карту фотографию лица – заявителя. Также заполнить социальную анкету в автоматизированном средстве (программного обеспечения) сведений относящиеся к обратившемуся гражданину в рамках фамилии, имени, отчества, год, месяц, дата и места рождения, действующего либо последнего места регистрации, семейного положения, образования, профессии и другой информации для обеспечения планируемой услуги; б) подписать с заявителем все необходимые документы установленные Министерством труда, социального обеспечения и защиты семьи Республики Молдова для оформления социального либо пенсионного обеспечения, услуг по социальному обеспечению либо трудоустройству; в) сообщить об этом в службу социальной сферы по месту регистрации субъекта для фиксации, как лица нуждающегося в получении социального пособия либо пенсии, услуг социального обеспечения либо трудоустройства. В последующем сотрудники социальной сферы, куда обратился заявитель направляют своим коллегам по месту действующей/последней регистрации данного гражданина, документированную информацию на бумажном носителе о выявленном случае, согласно делопроизводства через факсимильную связь (факс) для ускоренного документального подтверждения факта наступления соответствующих обстоятельств позволяющих физическому лицу одерживать социальное пособие либо пенсию по месту нахождения. Затем сотрудники социальной сферы своим коллегам по месту действующей/последней регистрации данного гражданина отправляют информацию, и оригиналы подписанных документов заявителем через Почту Молдовы.

5. В случае, если у заявителя никогда не было регистрации по месту проживания (дети сироты, малоимущие и т. д.), сотрудники социальной службы устанавливают факт последнего места обучения в образовательном учреждении обратившегося гражданина. Вследствие этого в социальную службу по последнему месту обучения в образовательном учреждении заявителя направляются персональные данные обратившегося лица, согласно указанной выше процедуре.

6. Сотрудники социальной службы, относящиеся к действующему/последнему месту регистрации обратившегося заявителя, который находится в другом регионе страны, обязаны: а) при получении документированной информации на бумажном носителе об обратившемся заявителе через факсимильную связь (факс), осуществить учет гражданина нуждающегося в социальном либо пенсионном обеспечении; б) при получении через Почту Молдовы оригиналов подписанных документов заявителем в кратчайшие сроки оформить личные дела и осуществить соответствующие выплаты путем перевода на определенное почтовое отделение региона страны по месту обращения заявителя.

7. Создание доступных почтовых отделений в каждом регионе страны для получения социальных пособий либо пенсий, лицам пребывающие в другой местности на момент обращения в социальную службу.

Резюмируя вышеуказанное, необходимо отметить, что решение подобных задач отразит достижение равенства среди населения страны в получении социального и пенсионного обеспечения. Такая позитивная динамика развития правовых отношений между государством и бездомными гражданами, внесет свою «лепту» в развитие социального права. В окончании авторского исследования, хотелось бы выделить работу Kerry O'Halloran, Myles McGregor-Lowndes относительно принципов правовой конструкции обеспечения равновесия прав всего населения страны, в которой правильно замечено, что «защита основных прав и отстаивание законных прав на справедливый и недискриминационный доступ к основным социальным услугам, должны играть более заметную роль в государстве» [17, p. 56].

Библиографический список

1. Конституция РМ принята 29.07.1994 г. (Monitorul Oficial №1, 12.08.1994 г.). URL: <http://www.justice.md>
2. Закон РМ «О государственной системе социального страхования» №489-XIV от 08.07.1999 г. (Monitorul Oficial №1-4, 06.01.2000 г.). URL: <http://www.cnas.md>
3. Постановления Правительства РМ «Об утверждении Устава Национальной кассы социального страхования Республики Молдова» №739 от 25.07.2000 г. (Monitorul Oficial № 94-97, 03.08.2000 г.). URL: <http://www.cnas.md>
4. Закон РМ «О социальном пособии» №133 от 13.06.2008 г. (Monitorul Oficial №179, 30.09.2008 г.). URL: <http://www.mmmpsf.gov.md>

5. Закон РМ «О пенсиях государственного социального страхования» № 156 от 14.10.1998 г. (Monitorul Oficial №179, 30.09.2008 г.). URL: <http://www.cnas.md>
6. Всеобщая декларация прав человека, ратифицированная Постановлением Правительства РМ №217-XII от 28.07.1990 г. (Monitorul Oficial №008, 30.08.1990 г.). URL: <http://www.lex.md>
7. Dr. Mortimer Sellers, Dr. Tadeusz Tomaszewski / The Rule of Law in Comparative Perspective (Ius Gentium: Comparative Perspectives on Law and Justice 3) // Publisher: Springer, London (UK), New York (USA), 2010. – P. 253
8. Европейская социальная хартия (пересмотренная), ратифицированная Законом РМ №484 от 28.09.2001 г. (Monitorul Oficial №130, 26.10.2001 г.). URL: <http://www.lex.md>
9. Закон РМ «О конфликте интересов» №16-XVI от 15.02.2008 г. (Monitorul Oficial № 94–96, 30.05.2008 г.). URL: <http://www.justice.md>
10. Лукашев Е. А. / Права человека : учебник для вузов. – М. : Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА-ИНФРА), 2001 г. –573 с.
11. Постановление Правительства РМ «Об утверждении Положения о порядке выплаты пенсий в системе государственного социального страхования и государственных социальных пособий» №929 от 15.08.2006 г. (Monitorul Oficial № 134–137, 25.08.2006 г.). URL: <http://www.justice.md>
12. Закон РМ «О валютном регулировании» № 62 от 21.03.2008 г. (Monitorul Oficial № 127–130, 25.08.2006 г.). URL: <http://www.justice.md>
13. Постановление НБ РМ «Об утверждении, изменении, дополнении и аннулировании некоторых нормативных актов Национального Банка Молдовы» №157 от 01.08.2013 г. (Monitorul Oficial № 191–197, 06.09.2013 г.). URL: <http://www.justice.md>
14. Семенцул С. В. / Существование правового нигилизма в законодательной системе органов социальной защиты по соблюдению прав и свобод натурализованных бездомных граждан на территории Республики Молдова (сравнительно-правовой анализ) // CXIV International Research and Practice Conference «Conditions and aims of development of public processes in the context of priority of liberal values and respect to moral and cultural traditions». – London (UK), 03–08 December 2015. – P. 52–55.
15. Алексеев Н. Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. – М. : Московское научное издательство, 1919 г. – 211 211 с. URL: <http://www.books.e-heritage.ru>
16. Закон РМ «О защите персональных данных» № 133 от 08.07.2011 г. (Monitorul Oficial № 170–175, 14.10.2011 г.). URL: <http://www.justice.md>
17. Kerry O'Halloran, Myles McGregor-Lowndes, Karla W. Simon / Charity Law & Social Policy: National and International Perspectives on the Functions of the Law relating to Charities // Publisher: Springer, Netherlands, 2008. – 614 p.

РОЛЬ РЕПУТАЦИИ ВЛАСТИ В СТАНОВЛЕНИИ ДЕМОКРАТИИ¹

Н. Н. Розанова

*Кандидат педагогических наук, доцент,
Смоленский государственный
университет, г. Смоленск, Россия*

Summary. In article the importance of reputation of the power (and not just, and not so much her image) as essential non-material political resource, condition of democratic development is staticized. The new stage of formation of the Russian statehood on the way to democracy dictates need of transition from virtual ("game") political space to real. The process of formation of positive reputation of the power based on policy of real constructive interaction of the power and the population acts as key process of this transition.

Keywords: reputation; image of the power; trust; democracy; virtual and real political space.

Актуальность задач формирования позитивной репутации власти связана с изменением политической системы России, становлением социально ориентированного демократического государства, с одной стороны, и гражданского общества – с другой. В политическом пространстве, в силу принципиальных преобразований формата коммуникаций, гораздо более эффективными становятся сетевые, а не иерархические формы политических организаций. Препятствием оптимального развития социально-политических сетей становится коммуникационный разрыв «власть – народ», затрудняющий процесс консолидации внутривластного пространства, особенно значимый в контексте нарастания внешнеполитических угроз. Его преодоление связано с укреплением доверия населения к власти, что сопряжено с формированием высокого уровня репутации как одного из ключевых нематериальных ресурсов государственного управления.

Решающая роль в превращении России в правовое демократическое государство и обретении ею достойного места в мировом сообществе принадлежит развитию гражданского общества как равноправного партнера государства в совместном поиске направлений социального развития. Процесс налаживания конструктивного диалога власти и общества лежит в основе так называемой консенсусной модели демократии, которая базируется на принципах взаимного согласия, уважения, равенства статуса, общности интересов членов сообщества. Консенсусная демократия обеспечивает реализацию реальных свобод каждого гражданина, каждой социальной группы общества на основе их участия в поиске согласия.

Данная модель демократии связана со становлением теории политических сетей (policy network) как одной из перспективных концепций, лежащих в основе качественно нового понимания роли государства и политического развития [см., например, 6]. В целом, политическая сеть пред-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Информационно-аналитическое продвижение реальной репутации региональной власти», № 16-03-00503 а.

ставляет собой структуру управления публичными делами, связывающую государство и гражданское общество, включает множество равноправных политических акторов: государственных, частных, общественных образований, отдельных граждан. Включенность акторов в государственное управление в качестве равноправных партнеров предполагает процессы открытой коммуникации, сотрудничества, истинного диалога в процессе выработки совместных решений, что определяет и совместную ответственность за их принятие.

Отношения партнерства возможны только на основе доверия, и в условиях построения демократии речь должна идти о стратегии формирования доверия власти, которая находит свое отражение в категории «репутация власти»². Почему же следует говорить о стратегии формирования именно репутации, а не имиджа власти?

В современных условиях кардинально меняется роль информационной сферы в общественной жизни: она из вспомогательной, технологической переходит в разряд важнейших объектов государственного управления. Ключевыми факторами устойчивого демократического развития становится прозрачная информационная политика, организация и поддержание открытого информационного взаимодействия власти и общества. В то же время, осознавая новые возможности и перспективы, которые возникают с развитием информационных технологий, необходимо понимать, что существуют и отрицательные аспекты данного процесса. В основе информационных технологий, в числе прочих, лежат методы пропаганды, манипулирования сознанием, разработки из области психологии восприятия, психолингвистики, суггестивной лингвистики, нейролингвистического программирования. Все эти инструментальные знания и приемы широко используются в процессах управления человеком в современном обществе, нацелены на подавление свободы волеизъявления личности и в ряде случаев заменяют репрессивный аппарат.

Специалисты отмечают, что это путь к новому варианту тоталитарного общества, где присутствуют все атрибуты демократии и свободы человека, но при внешней свободе он внутренне поработан. Причем всё искусство применения новых информационных технологий состоит в том, что сам человек не чувствует этого поработанности, не понимает игры, которую ведет с ним система. Человек из «народа» чувствует свою беспомощность и уповаает на узких «специалистов» в решении общественных проблем, а они манипулируют народом, подменяя его интересы и волю интересами узкой группы лиц [8, с. 30–32].

Таким образом, политическая власть из прямого принуждения и насилия превращается в способность навязывать культурные коды и кон-

² Категорию репутации специалисты считают разновидностью доверия или ее частным случаем [см., например, 9, с. 12–22].

струировать новую виртуальную реальность через средства массовой коммуникации.

Исследователи вводят метафору «театра» как инсценирование структур политической реальности. Подобно традиционной театральной постановке, в политическом спектакле зритель (потенциальный электорат) также лишен возможности принимать активное участие в процессе, влиять на ход событий. Он лишь наблюдает за происходящим и подвергается эмоциональному воздействию. Поскольку собственно политическое действие разыгрывается без его непосредственного участия, то оно не стремится воздействовать зрителя, а показывается ему и комментируется в СМИ [7, с. 65].

Имидж, в силу своих сущностных характеристик, является более «легким» объектом формирования в игровом политическом пространстве, нежели репутация.

В ряде исследований подчеркивается, что имидж – это скорее более поверхностный психический образ, который воздействует на эмоциональную сферу и уровень бессознательного, в отличие от репутации, которая является рациональной категорией. Репутация – более глубинное, устойчивое мнение; основана на осознанном выборе, исходит из системной оценки.

Исследователи указывают, что имидж не всегда отражает реальные качества субъекта, зачастую идеализирует их, задает определенные направления для «домысливания» в соответствии с имеющимся социальным опытом субъекта и представляет собой в известном смысле «полуправду» [3]. Репутация, вне зависимости от целенаправленности усилий по ее созданию, основана на объективном восприятии реального состояния субъекта, в силу того что источником ее формирования является достоверная информация, личный опыт взаимодействия или опосредованные контакты [2, с. 25]. Формируемый преимущественно средствами массовой коммуникации имидж сопряжен с опасностью манипулирования общественным мнением в интересах самой власти, в обществе обостряется противоречие между реальными результатами и все большей виртуализацией деятельности власти. Это особенно ярко проявляется в избирательном процессе, когда обладание большими финансовыми и информационными ресурсами дает возможность формирования у избирателей далеких от реальности имиджей политических лидеров [5, с. 170].

Исходя из различий в сущности имиджа и репутации, нами делается следующее предположение: формирование имиджа – процесс, характерный для переходного этапа общественного и государственного развития, тогда как формирование репутации осуществляется на этапе их стабильного развития и является необходимым условием становления демократии. Данное предположение также связано с особенностями развития общества.

Для переходного этапа характерно иллюзорное восприятие действительности, базирующееся на эмоциональной основе восприятия людей, их

идеальной модели будущего. Имидж же и является социальным образом, стремящимся к идеалу. Между имиджем и реальным объектом существует так называемый «разрыв в достоверности», поскольку имидж сгущает краски образа и тем самым выполняет функцию механизма внушения. В психологических исследованиях существует точка зрения, что имидж – это «реальность мнимого пространства». Одновременно человек как бы пребывает в двух мирах – реальном и мнимом, иллюзорном. В первом существуют явления, действуют люди, происходят события, смысл и характеристики которых адекватно отражаются в сознании. В мнимом же мире реальность искажается: будучи преподнесенной специально в соответствии с какими-то целями и интересами, она воспринимается сквозь призму внушенных установок.

Субъектам, формирующим такое восприятие, выгодно, чтобы человек жил в иллюзорном мире, который обладает высокой регулирующей силой, поскольку он психологически удобнее, комфортнее и потому привлекательнее реального. Следование ценностям мнимого мира освобождает от мук выбора и ответственности – человек ведет себя так, как ему подсказывают. Он живет под влиянием внушенных установок, критичность мышления его невысока, собственное мнение является проекцией мнений кого-то, поэтому им легко управлять, что и является главной целью функционирования имиджа власти [4, с. 13–14].

При этом подобная ситуация характерна лишь для переходного периода развития, когда преобладает эмоциональный, бессознательный уровень психического восприятия (многочисленные проблемы, нестабильность побуждают человека «отказываться» от реального восприятия действительности, облегчая переносимые тяготы жизни), что обуславливает легкость внедрения имиджа в массовое сознание через всевозможные социально-психологические механизмы.

Как только развитие общества и государства приобретает стабильность, преобладающим становится сознательное, рациональное восприятие действительности, механизмы внушения перестают действовать, «имиджевый» фактор превышает свой предел. Власть уже не может манипулировать сознанием людей, апеллируя к их эмоциям, и с этого момента имидж власти обязательно должен подкрепляться реальными делами. Тогда следует говорить о необходимости формирования репутации власти. Данный процесс, основанный на политике конструктивного взаимодействия власти и населения, способен перевести виртуальное политическое пространство в реальное.

Таким образом, в условиях построения демократического государства для преодоления существующего противоречия между все большей виртуализацией деятельности власти и реальными результатами ее работы представляется необходимой стратегическая ориентация государственной политики именно на процесс формирования позитивной репутации (а не

только и не столько имиджа) власти как объективно сложившихся и подтвержденных практикой ценностных убеждений и рациональных мнений о власти, сформировавшихся у населения на основе как полученной через средства массовой коммуникации информации, так и опыта конструктивного взаимодействия.

Библиографический список

1. Багина А. Ю. Имидж политических институтов в современной России: Концептуальные модели, методы исследований и технологии продвижения: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005. – 214 с.
2. Важенина И. С. Концептуальные основы формирования имиджа и репутации территории в конкурентной среде: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – Екатеринбург, 2008. – 41 с.
3. Петрова Е. А. Имидж как фактор продуктивной политической коммуникации // Официальный сайт журнала «Корпоративная имиджология». URL: http://www.ci-journal.ru/article/70/200701polit_image.
4. Пирогова Л. И. Имидж власти как отражение политической культуры общества: дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005. – 145 с.
5. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию: учебник для студентов вузов. – М. : Аспект Пресс, 2002. – 477 с.
6. Сморгунюв Л. В. Сетевой подход к политике и управлению // Политические исследования. – 2001. – № 3. – С. 103–112.
7. Туронок С. Г., Бахтина И. А. Игра в политику (теоретический аспект массовых политических коммуникаций) // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2008. – № 4. – С. 59–72.
8. Управление общественными отношениями: учебник / под. общ. ред. В. С. Комаровского. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – 400 с.
9. Фокин В. В. Социально-психологические факторы управления репутацией: дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009. – 106 с.

НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РОССИИ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Е. В. Матвеева,
А. А. Левин

*Доктор политических наук, доцент,
аспирант,
Кемеровский государственный
университет, г. Кемерово, Россия*

Summary. In the article the attention is paid to modern tendencies of development of non-governmental organizations in contemporary Russia. We consider a system of interaction between non-governmental organizations as Institute of civil society and the state. As the main form of civil activity of the population and non-governmental organizations are using information-communicative technologies of the Internet and social networks.

Keywords: civil society; civil society institutions; public and non-governmental organizations; civic activity; information technology; social networking.

Процесс создания институтов гражданского общества и построения правового государства в России относится ко второй половине 80-х гг. XX в., когда происходит численный рост гражданских инициатив в виде общественных и неправительственных организаций. В статье анализируются современные тенденции развития неправительственных организаций в Российской Федерации в контексте построения гражданского общества.

Процесс институционализации институтов гражданского общества сопровождался выстраиванием взаимодействия с государством и отмечен, по крайней мере, двумя тенденциями.

Во-первых, на государственном уровне гражданское общество в большинстве случаев распространялось исключительно на неправительственные организации, которые далеко не всегда являлись индикатором гражданской активности населения. Данная позиция во многом объясняет разработку и принятие в отношении неправительственных организаций серии законов, направленных на усиление контроля со стороны Министерства юстиции и органов внутренней безопасности (Федеральный закон РФ от 10 января 2006 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», Федеральный закон РФ от 31 июля 2009 г. № 170-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О некоммерческих организациях» и др.) [2, с. 87].

Во-вторых, в стратегических документах Российской Федерации 2000-х гг. была озвучена установка на развитие в стране гражданского общества. При этом огромное значение сыграло само государство (в 1997 г. появляется должность Уполномоченного по правам человека в РФ, в 2006 г. создается Общественная палата). Так, по мнению К. А. Будариной, преодоление данной тенденции необходимо связывать с таким важным вектором развития гражданского общества, как воспитание молодежи как активного субъекта политики [1, с. 85].

Созданные органами власти общественные организации порой продолжают оставаться подконтрольными и в последующий период их деятельности. Так, особенностью Общественной палаты РФ выступает организационно-функциональная и информационная зависимость от исполнительной власти. Руководитель палаты назначается и освобождается от должности Правительством РФ по представлению совета Общественной палаты РФ [4; 5].

Одним из последних государственных решений по вопросу формирования гражданского общества в Российской Федерации стало проведение 1 октября 2015 г. заседания Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, на котором глава государства В. В. Путин заявил об учреждении премий по 2,5 млн руб. за благотворительную и столько же за правозащитную деятельность, направленные на стимулирование развития гражданского общества в стране [3].

Наряду с уже устоявшейся мировой практикой гражданской самоорганизации с непосредственным участием общественных и неправительственных организаций в политические процессы в гражданское общество необходимо включать весь потенциал гражданской активности населения, находящий свое проявление в использовании современных информационно-коммуникативных средств обмена и получения новой информации, в том числе по политическим вопросам.

Основными информационно-коммуникативными средствами следует считать такие формы гражданской активности, как обмен информацией в социальных сетях (итоги последних региональных выборов губернаторов 13 сентября 2015 г. показали весьма неоднозначные оценки со стороны населения выборов) и обращения граждан через интернет-приемные в органы государственной, региональной и муниципальной власти, в Общественную палату федерального и регионального уровней. Именно с дальнейшим распространением информационных возможностей Интернета в политических процессах следует связывать ближайшие изменения в развитии гражданского общества в Российской Федерации.

Дальнейшее развитие информационно-коммуникативных средств и технологий в сфере гражданского общества следует оценивать как возможность самореализации граждан, выбора форм гражданского участия в зависимости от политических настроений и убеждений, что выступает одним из важных проявлений процесса демократизации Российской Федерации на современном этапе ее развития.

Библиографический список

1. Бударина К. А. Роль института масс-медиа как основного коммуникатора между гражданским обществом и государственными структурами // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – Т. 10. – № 3. – С. 82–88.

2. Матвеева Е. В. Неофициальная сторона деятельности неправительственных экологических организаций // Вестник Поволжского института управления. – 2011. – № 1. – С. 82–88.
3. Общероссийский Народный фронт. Путин объявил об учреждении премий за благотворительную и правозащитную деятельность. URL: <http://onf.ru/2015/10/01> (дата обращения: 10.12.2015).
4. Плотников А. А. Статус Общественной палаты Российской Федерации и перспективы активизации взаимодействия государства с гражданским обществом // Юристы-Правоведь. – 2013. – № 1 (56). – С. 15–19.
5. Федотова В. Г. Какая политическая элита нужна гражданскому обществу? // Философский журнал. – 2013. – № 1 (10). – С. 34–48.

IV. SOCIALLY-PSYCHOLOGICAL FACTORS AND FORMS OF MASS PHENOMENA

ВЛИЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АНОМИИ НА КОРРУПЦИОННОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Д. О. Ковалева

*Магистрант,
Финансовый университет
при Правительстве РФ,
г. Москва, Россия*

Summary. The article is devoted to the review of individual corruption behavior through the social anomie theory. The strategies of behavior, developed by R. Merton, are emphasized. With the help of these strategies and results of sociological research, the individual corruption behavior in Russian society is analyzed. The interdependence of the stage of the social anomie and the usage of deviant measures is considered.

Keywords: anomie; corruption; individual; deviant behavior; patterns of behavior.

Аномия – это, вопреки расхожему мнению, не нечто эфемерное, а «конкретное и жесткое, обозначает оно тяжелую социальную болезнь, в которой отчуждение служит лишь легким симптомом» [1, с. 8], своеобразная «тенденция к социальной смерти» (Р. Хилберт) [цит. по 6]. Понятие аномии ввел в социологию Эмиль Дюркгейм. Аномия в его понимании – это отсутствие четких правил и норм поведения, когда старая иерархия ценностей рушится, а новая еще не сформировалась. Следствием, как правило, является нестабильность личности, которая зачастую увенчивается суицидом. Важнейший после Дюркгейма вклад в теорию аномии внес Р. Мертон.

Опираясь на теорию Роберта Мертона, причина социальной аномии заключается в дилемме целей индивида, преимущественно обусловленных культурными детерминантами, и допустимых средств их (целей) достижения, выбор которых зачастую основан на моральных императивах или субъективной оценке эффективности, необязательно согласуется с институционными нормами [4, с. 90]. Паттерны поведения личности во многом зависят от решения вышеизложенной дилеммы. Так, Роберт Мертон выделял пять паттернов, в зависимости от соотношения целей и средств их достижения: конформность, инновация, ритуализм, ретрицизм и бунт. Преобладание девиантных паттернов (инновация, ретритизм, бунт) в конкретном социальном институте или в обществе в целом, безусловно, свидетельствует о социальной аномии, нестабильности и неустойчивости общественного порядка. Можно утверждать, что набор доступных индивиду

паттернов поведения определяется глубиной социальной аномии, которая, в свою очередь, обусловлена открытостью, простотой институциональных средств достижения цели, т. е. возможностью использования недевиантных паттернов поведения.

В случае затяжной, глубокой аномии, когда отсутствует какая-либо интеграции целей и средств, индивиды зачастую лишаются возможности достичь своей цели законными, институциональными средствами. Например, отсутствие справедливой и адекватной судебной системы, приводит к решению многих разногласий через самосуд, что является проявлением девиантного, порой даже делинквентного, поведения. В данном случае набор доступных паттернов поведения ограничен.

Если рассматривать не столь укорененную социальную аномию, то важно отметить, что индивид в таких случаях всегда располагает выбором средств достижения цели. В этом контексте выбор средств зависит от конкретных черт личности и от степени интеграции целей и средств в обществе. Российскому обществу, на мой взгляд, свойственны многие черты аномии, однако при этом личность при столкновении с проявлениями аномии располагает хоть каким-то выбором действия. Рассмотрим на примере феномена аномии, коррупции, стратегии поведения личности.

Не секрет, что проблема коррупции относится к числу наиболее острых. Согласно данным исследования ФОМ, 66 % россиян отмечают высокий уровень коррупции в стране, 23 % участвовали в коррупционных аферах [2]. Таким образом, почти у четверти российского населения наблюдаются девиантные стратегии поведения. Будет личность соблюдать закон или не будет – это зависит от тех условий, в которых находится эта личность, как она на эти указы реагирует, как она их воспринимает, что необходимо личности, чтобы она действовала в соответствии с существующими правовыми основаниями и не встала на пути противоправного поведения. В каком направлении развиваться – решение принимает сама личность. Здесь есть два пути развития – прогрессивного акмеологического или девиантного, а то и делинквентного, соотнесенного с преступным поведением. Наиболее распространенные причины, по которым люди дают взятки сводятся к следующим: 1) «чиновник заставил, создал для этого ситуацию»; 2) «мне было известно заранее, что без взятки здесь не обойтись»; 3) «чиновник не настаивал на взятке, но я решил (а), что так надежнее» [1, с. 11]. Если приурочить вышеупомянутые причины к девиантным поведенческим паттернам, то можно полагать, что большинство участников коррупционных афер – «инноваторы», т. е. индивиды, считающие легальные и институциональные средства неэффективными, проблемными, слишком трудозатратными. Свидетельством этому является распределение ответов на вопрос о достигнутых результатах коррупционной аферы, относительно большинство (64 %) респондентов прибегнули к нарушению закона не из-за того, что у них не было другого выхода, а из-за того, что так

быстрее (24 %), качественнее (11 %) и проще (29 %) [1, с. 14]. В тоже время среди индивидов, воспользовавшихся законными и социально одобряемыми средствами, только 60 % сделали это целенаправленно, что говорит о том, что остальным 40 % свойственен «ритуализм», поведение отличительными чертами которого является отсутствие какой-либо цели и слепое соблюдение всех правил, использование институционных средств, отсутствие ожидания успеха, инертность. Подобную стратегию поведения в некоторой степени так же можно отнести к девиантной.

Подводя итог, стоит сказать, что паттерны поведения, правомерные они или нет, всегда близко коррелируют с состоянием общества. То, в какой степени социальные институты обеспечили личность возможностью действовать в соответствии с индивидуальными и общественными целями, непосредственно влияет на уровень преступности, уклонения от законных средств достижения цели.

Библиографический список

1. Доклад «Состояние бытовой коррупции в Российской Федерации». Фонд «Общественное мнение», Минэкономразвития, 2011 – 56 с.
2. Исследование ФОМ «Коррупция и взяточничество в России» URL: <http://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/11912> (дата обращения: 19.11.2015)
3. Кара-Мурза С. Г. Аномия в России: причины и проявления. – М. : Научный эксперт, 2013. – 264 с.
4. Мертон Р. Социальная структура и аномия // Социс. – 1992. – № 2-3-4.
5. Туркиашвили Ш. А., Горозия В. Е. Понятие аномии и попытки его модификации. // Человек: соотношение национального и общечеловеческого. Выпуск 2. : сб. материалов международного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) / под ред. В. В. Парцвания. – СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2004. – С. 249–258.
6. Феофанов К. А. Социальная аномия: обзор подходов американской социологии // СОЦИС. – 1992. – № 5.

AKTUÁLNÍ PROBLÉMY SPOLEČENSKÝCH FENOMÉNU V SOUČASNOSTI

M. Sapík

*Ph.Dr., docent, prorektor,
Academia Rerum Civilium – Vysoká škola
politických a společenských věd,
Kutná Hora, Česká Republika*

Summary. Contemporary society must respond to important moments, which are related to its safety and conservation status. Current issues are migration crisis, globalization, terrorism, wars, poverty and epidemics. Great influence on society are information of technology and modern social networks. Without their existence the life of contemporary society is almost unthinkable. The European society is located in the spiritual and economic imbalance and does not doubt the theory that predicted the expansion and direct development.

Keywords: culture; society; modern world; integration; globalization; education.

Dnešní svět má několik zásadních rozkolů, ve kterých žijeme my lidé 21. století. V současné době se společnost ocitá před velkou propastí, kterou představuje hned několik zásadních problémů, které mají dlouhodobého trvání a zároveň i nesnadnou cestu k jejich řešení. Především se jedná o otázku současné migrační krize. Je to aktuální fenomén současnosti, který se týká především evropského prostoru. Je velmi zajímavé, že proces migrace je druhým velkým fenoménem Evropy, kterému předcházela samotná všemi opěvovaná integrace jednotného evropského prostoru a vize jednotné evropské kultury.

Na konci 70. let vznikají velké teoretické konstrukce, které proklamují jednotu v rozmanitosti, nutnost integrujícího se prostoru, toleranci, prevenci se zaměřením na xenofobii a další negativní jevy ve společnosti, která chtěla být za každou cenu multikulturní. Do jisté míry nastala velká euforie pro více kulturní prostředí, které předpokládá společné soužití mezi různými lidmi, z různých částí světa na jednom domestikovaném území. To byla i vize A. J. Toynbeeho, který vlastní vizi představil ve svém „opus magnum“ Studium dějin. Jeho pojetí integrity má představu „univerzálního státu“, „univerzálního náboženství“ ba dokonce i jednotného ideového zaměření v této univerzální společnosti.

S ohledem na dnešní vzniklou situaci je třeba dodat, že zásadním způsobem se změnil postoj k více kulturní společnosti, která by představovala integrovanou a sjednocenou vizi možného způsobu soužití mezi jednotlivci a národnostmi na cizím území. K této radikální změně dopomohla i extrémní vlna uprchlíků neevropského původu, do Evropy. Jasná potřeba „dostat se za každou cenu“ do zemí jako Německo, Francie, Švédsko aj. vedla k protí opatřením, která vycházejí z praktických dopadů a byly způsobeny přílivem několika tisíců běženců do těchto zemí. Nakonec se ukazuje, že ani tyto evropské hegemony nejsou vůbec připraveny zvládnout a systematicky pracovat s těmito lidmi v tak velkém měřítku. Je to zároveň oboustranná zkouška, která velmi podrobně prověřuje limity lidského faktoru a zvládnutí psychické zátěže všech

zúčastněných. Aktuální migrační krize, která je na programu dne na všech úrovních, dokonalým způsobem zastínila takové fenomény, jako je např. globalizace.

O globalizaci se mluví v různých souvislostech ve vztahu k nadnárodním společnostem a jejich vlivu na národní hospodářství. Globalizace skloňovaná ve všech pádech a ve vztahu ke všem oblastem lidského života se dostala do podvědomí již v šedesátých letech 20. století. Není ničím novým z pohledu celospolečenských snah a kooperace v oblastech ekonomiky, vzdělání, vědy, zemědělství, sociálních vztahů a dopravy. I samotná globalizace narušila jednotu společenského soužití v tom smyslu, že dala vzniknout rozdílům mezi lidmi, zajistila stratifikaci společnosti a radikální rozkol mezi bohatými a chudými v globálním měřítku. Nejedná se o krátkodobý fenomén, který se může zastavit a podle přání změnit. To již v současné době možné není. Mnozí autoři se dnes přou o fakta, která souvisí s tím, zda globalizace musela zákonitě přijít, nebo jestli se jedná o předem připravený proces, kterým se měla zajistit rozdílnost mezi světy a společnostmi, postupně vytvořit markantní rozdíly ve společnosti samotné. Někdy se velmi zjednodušeně proces globalizace přirovnává k fenoménu „mcdonaldizace“, jednotného trhu, alternativním formám získávání obnovitelných zdrojů. Do prostředí globalizace zákonitě patří i proces vzdělání a vzdělané společnosti. Mluví se o tomto fenoménu na různých úrovních a ve vztahu k novým formám vzdělávání. Příkladem můžou být Akademie třetího věku, vzdělávání dospělých, alternativní formy výuky žáků na základních a středních školách. Velkou oblibu má v současné době a to i v ČR kombinované studium při zaměstnání.

Globalizující se společnost vytvořila i nové formy sociálních sítí, které jsou lidmi využívány ve velkém rozsahu. Na druhou stranu je třeba poznamenat, že současná podoba sociálních sítí je zároveň i zneužívána na různých úrovních a v odlišném prostředí. Konec konců přispěla i k organizování teroristických útoků po celém světě, což je možné považovat za další aktuální fenomén společnosti a doby. Navíc se jedná o organizované a opakované násilí na civilistech. I v této souvislosti se můžeme přesvědčit, že mnozí teoretikové se snaží vysvětlovat alarmující rozdělení sociálního prostředí, vznikající velké nerovnosti mezi lidmi v majoritní společnosti a zároveň se pokoušejí o doložení jejich statutu empirickým výzkumem terénu.

Klasickým příkladem může být i to, že: „V Bourdieuově díle bezpochyby najdeme nepolevující znepokojení související s přetrváváním sociálních nerovností, na nichž se podílejí takzvané kulturní prostředky. Bourdieu také spíše testuje platnost svých teoretických koncepcí prostřednictvím empirického výzkumu, než by zůstával pouze u vysokého stupně abstrakce. Kromě toho se hluboce a vytrvale zajímá o to, co je potřeba k radikální sociální změně, a proč je tato změna neustále mařena. Máme-li být konkrétnější, pak příčinou zájmu o Bourdieua ze strany kulturálních studií může být také skutečnost, že Bourdieu již v sedmdesátých letech 20. století jasně rozpoznal, že hospodářství západních

společností je ve stále větší závislosti na působení kulturní agendy“ [1, s. 140–141]. Vliv kultury na společnost, je stejně silný jako intenzita vlivu médií na kulturu a společnost. Z tohoto faktu pramení i všechny detailní závislosti sociálních nerovností, kde hlavní slovo mají kulturní fenomény. I dnes je znepokojivý stav, kdy kulturu do určité míry ovlivňuje ekonomická gramotnost společnosti.

V rámci kulturních studií, které představují propojení několika vědních oborů, vzniká mylná představa, že kultura je ryze teoretická záležitost. Proto je třeba přistupovat ke studiu společnosti a společenských jevů a jedinců z pohledu sociologie. „Bourdieu je tedy od samého počátku sociologem, který se zajímá o složitost postindustriální společnosti ... Rozpracoval analýzu, která v některých ohledech doplňuje řadu neomarxistických tvrzení týkajících se vztahů mezi kulturou, společností a ekonomikou ...“ [1, s. 141]. Bourdieu je autorem, který se snaží o propojení teoretických poznatků s praktickými důsledky jejich aplikace ve společnosti. Z těchto důvodů se snaží postulovat studium společnosti, život společnosti a jejich jedinců z pozic sociologického studia. Nejdříve si všímá dosažené úrovně vztahů v tzv. industriální společnosti, která vzniká ze základů moderní společnosti. Pro tuto společnost je typický zájem o interpretaci společenských jevů z pozic marxismu. Nemusí to být negativum, ale může se jednat o velmi omezený a tím i zkreslený pohled na realitu a skutečnost. Je to společnost, která je rozdělena na třídy. V rámci tříd vznikají různá další a menší seskupení a útvary, které mají samostatné uplatnění jen v daném prostoru a době.

„Bourdieu také nahrazuje pojem třída ... pojmem 'sociální prostor', v němž jsou třídy výsledkem schopnosti různých polí zakládat určité sociální skupiny a třídy. Pojem 'pole' umožňuje Bourdieuovi postulovat, že moc je rozptýlena a autonomně se vyskytuje a funguje v rámci složité struktury institucí a sociálních uskupení moderní společnosti“ [1, s. 142]. Zcela adekvátním odrazem nově vzniklých vztahů a vazeb je zavádění a vytváření nového jazyka doby a rovněž i odborné sémantiky jako odrazu dobové neshody s užívanou vědeckou terminologií. To je i zcela nový požadavek a fenomén zároveň v tom smyslu, že nová terminologie má zajistit i mnohem odbornější zázemí pro nově vznikající teorie citovaných autorů. V tomto ohledu se Bourdieu zmiňuje i o fenoménu moci. A to v tom smyslu, že moc je autonomní, a funguje ve vazbě na spletitou síť institucí a organizací, které se dohromady podílejí na naplňování moci. Moc je typickým příkladem a produktem zároveň v moderní společnosti. Už se nejedná jen o moc jako momentální projev síly, ale o strukturu moci z hlediska jejího využití na společnosti a jedincích.

Doba 20. století se nese ve znamení velkých teoretických proměn, které jsou typické i např. ve filosofii. Právě ve filosofii vzniká celá řada nových orientací a směrů, které jsou důsledkem vědeckých paradigmat a přechodem k novému způsobu myšlení lidské společnosti. Novým jevem je vznik mezioborových studií, tento fakt se odráží i ve filosofii. Se vznikem

hermeneutiky, fenomenologie, existencialismu atd. vzniká potřeba nového pohledu a hlavně přístupu ke zkoumaným problémům. V tomto období se objevuje, snad víc než jindy i potřeba propojení přírodních a humanitních věd.

„Přestože Bourdieu projevuje nesmírný zájem o struktury, které jsou základem (nebo objektivní podmínkou) kulturních praktik a životního stylu, je jeho přístup zároveň v protikladu ke strukturalismu a poststrukturalismu. ... Bourdieu je však stejně jako Levi-Strauss a Althusser strukturalismu zavázán z toho důvodu, že poskytuje nástroj ke skoncování a všeobecně rozšířenou představou sociálního světa jako čehosi transparentního. Bourdieuovi jde o to prozkoumat sociální vztahy a pozice v rámci mocenského pole a také pravidelně se opakující jevy. ... Řada kritiků ukazuje, že se Bourdieuovo dílo opírá o poznatky z filozofie i ze sociálních věd, zejména o texty Husserla, Wittgensteina, Merleau-Pontyho a Durkheima“ [1, s. 142–143]. Z hlediska výše uvedeného požadavku zkoumání sociálních vztahů může být Bourdieův pokus do určité míry přirovnán k Foucaultovi. I když uznává důležitost a nutnost struktur jako vztahů a řetězců stojí obecně mimo pozici klasického strukturalismu. Jeho struktura je měnící se požadavkům životního stylu a užívaných praktik ve společnosti. Jeho vliv je však patrný i z toho pohledu, že zamezuje obecně možnost transparentnosti sociálních jevů ve společnosti. Především jde o zkoumání sociálních jevů a sociálních vztahů z pohledu jejich cykličnosti. Vize sociálního světa se opírá o základy filosofické interpretace, která vychází z fenomenologie, filosofie jazyka, filosofie existence a sociologické metody. „Díla těchto různorodých autorů spolu s fenomenologickou tradicí poskytla Bourdieuovi základ pro jeho pojetí percepce, ztělesnění, praktického smyslu a habitu“ [1, s. 143]. V celém Bourdieuově díle jsou prakticky neopomenutelné rysy filosofického myšlení a následná metodologie, která pramení do aplikace různých vědních oborů.

„V knize *Distinction* Bourdieu prohlašuje, že příkladem onoho odlišení mohou být formy kulturní ekonomiky, které se v současné době objevují. Dvě odlišné třídní frakce se zde sbližují v honbě za zaměstnáním. Marxistická sociologie by zřejmě tuto situaci chápala jako příklad, kdy sociální kontradikce vede k možné politizaci, to se ovšem neslučuje s pohledem Bourdieua. Podle něj mají obavy týkající se vzdělání a získávání kvalifikace (...) takovou strukturu, která brání rozložení systému a bere vítr z plachet kritikům. Existuje zde deklasovaná střední třída, jejíž příslušníci nedosahují špičkové profesní kvalifikace jako jejich vrstevníci studující medicínu nebo práva, a jsou tudíž stahováni kamsi dolů ...“ [1, s. 145]. Rozdílnost a odlišnost jsou průvodními znaky postmoderní doby a postindustriální společnosti. Navíc společnost se v mnohých ohledech označuje jako občanská společnost. Společným prvkem občanské společnosti je síť různých institucí, úřadů, které zároveň vyjadřují závislost nadřízenosti a podřízenosti. V tomto uzavřeném společenství má zcela výsadní postavení možnost a stupeň vzdělání jedince. Není to však příklad, kdy lidé byli zcela zainteresováni na svém vzdělání a měli tuto dnes povinnost jako

občanskou čest a ctnost. Dnes je význam zcela opačný. Vzdělání člověka dokázalo rozdělovat společenství a jedince staví do pozice výhod či nevýhod, které má vzhledem k ostatním. Požadavkem doby se stala dosažená úroveň vzdělání a tomu odpovídající profese, alespoň ve většině případů.

I v tomto zcela novém a zabydleném prostředí dochází k jistému rozdělování pozic a postojů mezi jedinci. „Ačkoli dochází k neustálému rozhojňování nových typů kategorizace a způsobů diferenciaci, které provází symbolické násilí, mají kulturní zprostředkovatelé sklon k sociální shodě. V pojetí Bourdieua představuje tato skupina kolektivní nositele dominantní ideologie, kteří mají za úkol šířit její hodnoty mezi obyvatelstvem, a to ve formě konzumní kultury, se všemi rozmanitými výrobky ... Toto pojetí má blízko k Althusserově teorii ideologie, Bourdieu však opět vyplňuje prostor v okolí subjektu tím, že do něj začleňuje (generově rozlišené) aktéry, kteří pocházejí z určitých třídních frakcí a jejichž nový habitus práce dává vzniknout dispozicím, na jejichž základě se mohou ztotožnit s dominantním kulturním polem“ [1, s. 146]. Společnost je provázena diferenciací a v důsledku toho i mechanismy přerozdělování moci. I postmoderní společnost je provázena násilím, které se promítá do kulturního prostředí a navenek se snaží o zdánlivý projev jednoty a shody. Společnost tohoto období se však neobejde bez ideologického vlivu, který signifikantní pro celkovou orientaci společnosti a má důsledný charakter ve vztahu ke světovému názoru společnosti. Dochází tak ke vzájemnému splývání jednotlivých prvků, které jsou v počátku zcela anonymní a nemají nic společného navzájem.

Integrita, sjednocování a zájem na společném prostoru jsou typické pro nový fenomén od poloviny 20. století, kterým je globalizace. Velmi často jsou globalizační jevy spojovány s ekonomickými jevy, hospodářskou sférou působnosti a působností nadnárodních ekonomických korporací, které svým významem přesahují národní charakter. „Současný vývoj ekonomických sil ve světovém měřítku je většinou pozorovatelů nazýván 'globalizace'. Právě globalizace je dle mého soudu vhodným východiskem k stručnému prozkoumání dopadů ekonomických sil na vnitrostátní struktury. Ekonomická globalizace je intenzifikací ekonomických vztahů napříč hranicemi. Dva rysy příslušející jak obecně globalizaci, tak i její ekonomické složce, musím na tomto místě vyzdvihnout. Za první, mnohé procesy připisované globalizaci probíhají na úrovních, které jsou od globální velmi vzdáleny... jinými slovy řečeno, globalizace je nerovnoměrným procesem jak z geografického hlediska, tak z hlediska intenzity procesů. Za druhé, globalizace je nerovnoměrná v jistém obecnějším smyslu: stejně jako k integraci vede také k fragmentaci a marginalizaci. Šíření globalizace vyvolává dojem homogenity tím, že se země světa ve vzrůstající míře stávají částmi jednotné globální tržní ekonomiky. Naproti tomu představa nerovnoměrné globalizace ukazuje směrem k heterogenitě v tom smyslu, že jednotlivé země mohou v tomto procesu zaujímat velmi odlišné pozice. Ekonomická globalizace tedy v jistém ohledu vytváří

daleko homogennější svět, současně je však kombinována s nerovností, která ponechává mnoho prostoru pro heterogenitu, protože se ekonomická globalizace ubírá kvalitativně odlišnými cestami“ [2, s. 79–80]. Globalizace není nikdy prostředím, které by dávalo stejné možnosti, přerozdělovalo stejným způsobem pro všechny a zajišťovalo stejné příležitosti, výhody každému bez rozdílu. Pojem integrace je pouze vedlejším dozvukem hlavního zájmu, kterým je individualita. Ta směřuj veškerý proces globalizace ke zcela odlišným výsledkům a vytváří apriori rozdílný svět s maskou zdánlivé homogenity a kvality.

„Homogenizace tedy skutečně proběhla v tom smyslu, že státy jsou ve vrůstající míře součástí globální tržní ekonomiky, v jejímž rámci sledují přibližně stejnou strategii ekonomického rozvoje. V tomto směru dynamika ekonomické globalizace vedla k homogenizaci světa předpovídané marxisty a liberální teorií modernizace. Země směřují ke společnému modelu moderní kapitalistické tržní ekonomiky. Nicméně je také jasné, že přetrvává výrazná heterogenita. Ve skupině postkoloniálních států modernizace neuspěla. U skupiny vyspělých kapitalistických ekonomik naopak globalizace vedla k překonání modernity“ [2, s. 83]. Dominantní ekonomický systém současnosti, tržní, představuje prostředí, ve kterém se pomyslně vytváří globální homogenizace trhu. Teoreticky jsou uvedené závěry nastíněny již v dílech teoretiků marxismu a liberálního zaměření. Dochází k postupnému sjednocování trhu na bázi tržního systému a v prostředí monopolizace trhu. „Ekonomická globalizace vedla k integraci zvyšujícího se počtu států v globální tržní ekonomice. V souvislosti s touto integrací došlo také k procesu homogenizace: země mají tendenci k přizpůsobení se podobnému modelu ekonomického rozvoje, tj. k moderní, industrializované, otevřené kapitalistické ekonomice“ [2, s. 80–81]. Ekonomická globalizace zničila specifika dané země nebo je více či méně potlačila.

Teoretikové globalizace hledali a dodnes hledají možnosti, které by stanovily míru, kde je možné stanovit východisko z dané situace. Jedním z těchto autorů je i A. Giddens: „Má-li být třetí cesta komplexní politickou filosofií, potom by politici, kteří se k ní hlásí, měli aktivně podporovat rozvoj globální integrace – bez zbytečného mlžení o její problematičnosti, realisticky a bez falešného optimismu. Státy a jejich suverenita prošly tak rozsáhlou proměnou, že se povaha globálního systému dnes už těžko dá charakterizovat nebo zkoumat jednoduše podle úrovně jednotlivých zemí. Není to pouze vlivem globálního tržního systému a nových komunikačních technologií, ale také mocnou globalizační vlnou, která přichází zdola, v tomto případě máme na mysli ty spousty obyčejných lidí a skupin rozličného charakteru“ [3, s. 124–125]. Giddensova možnost třetí cesty, která vychází z filosofických základů a představuje poslední možnou politickou filosofií, která doposud nemá v moderním myšlení obdoby. Je to způsob jakým by bylo možné vyřešit vzniklou situaci za účasti všech aktivních jedinců od politiky až po kulturu. V tomto ohledu se Giddens staví za opětovný akt globální integrace, který by

směřoval k upevnění jednoty společnosti a hlavně politické a mezinárodní roztržtosti. Složitě politické a společenské vztahy jsou již těžko pochopitelné na úrovni každého státu nebo konkrétní společnosti a společenského zájmu. Je v tomto ohledu velmi zajímavé, že nikdo není schopen předvídat další vývoj s naprostou jistotou. Neplatí již klasické teorie společnosti a jejich možné alternativy, které jsou zvládnutelné na národní úrovni a pomocí vlastních sil. „Otázkou je, které globalizační změny by měla politika třetí cesty podporovat. Obecně se dá říct, že všechny, které mají pozitivní vliv pro rozvoj lokálních a národních podmínek. Vznikají nové vládní modely, které je třeba posílit, protože jsou zavalovány globální ekonomikou a doprovodnými procesy technologického vývoje“ [3, s. 125]. Navrhovaná terapie třetí cesty má svoje úskalí ale rovněž i přednosti. Pokud se má přistoupit ke změnám musí to být takové zásadní proměny, které budou mít vliv globálním měřítku. Hlavní cíl musí být ovšem ten, který bude sledovat národní zájmy a potřeby. Výrazné místo mají moderní technologie a strategie rozvoje moderních sítí v zájmu národních států a jejich vzájemné funkčnosti. V oblasti politiky dochází k zásadním a převratným proměnám, které mají vliv na formování a stabilitu politických systémů a vlád v jednotlivých národních státech. V tomto ohledu je třeba poukázat i na vize, které jsou před celým pluralitním politickým spektrem. „Úkolem moderní sociální demokracie by mělo být rozvíjení spolupráce mezi jednotlivými národy. Je třeba podpořit globální instituce a dát jim příležitost předvést, co dokážou. Je pět základních oblastí, na které se musíme soustředit především: správa světové ekonomiky, globální ekologie, regulace moci nadnárodních společností, kontrola sociálního systému a posílení nadnárodní demokracie. Každá z těchto oblastí představuje vážný problém“ [3, s. 126].

Globální problémy a fenomén globalizace se vztahuje i politicko – ekonomické organizaci, která vznikla již na konci minulého století. „Evropská unie je evropským projektem v tom smyslu, že vznikla na území Evropy, a tak k ní můžeme přistupovat jako k čistě lokální zvláštnosti. Stejně tak ji ale můžeme chápat jako platformu k ještě globalizovanějšímu nadnárodnímu demokratickému systému. Samotná EU by mohla sehrát významnou roli v prosazení globálně kosmopolitního režimu“ [3, s. 160]. Giddensova předpokládaná platforma pro další a mnohem efektivnější systém demokratického typu se zatím nekoná. Ba naopak, dochází k postupným snahám o vystoupení evropských hegemonů z tohoto evropského projektu, bez náhrad a hlavně už bez další účasti. „... , jak můžeme zdemokratizovat vědu a technologii, protože tyto oblasti jsou nedílnou součástí naší demokracie. Faktem je, že nejsme moc zvyklí ekologickou problematiku spojovat s procesem demokratického rozhodování – otázky technologie a vědy jsou obvykle směřovány a přesouvány na odborníky. V současnosti jsme však dospěli do takového stádia, kdy se rozvoj vědy a technologie dotýká životů nás všech. Jde o náš společný problém, který nemůže řešit jenom pár expertů. Demokratizace oblasti vědy a technologie by měla být prvořadým úkolem politiky třetí cesty“

[3, s. 130]. Nedílnou součástí demokratizace společnosti musí být i péče o vzdělání, vědu a výzkum. Vytvoření podmínek k demokratizaci v oblasti vědy a techniky je otázka, kterou se musí zabývat každý politický systém, každá vláda a především odborníci. Tato oblast se musí stát nedílnou součástí života společnosti s cílem vzájemné propojenosti. Technologie ovlivnily velkou část široké veřejnosti a společnost už asi není vůbec připravena nebýt v kontaktu s vymoženostmi v oblasti moderních technologií a sociálních sítí.

Závěr. Aktuální společenské problémy jsou na programu naší každodennosti. Setkáváme se s nimi v téměř každém prostředí našeho sociálního a kulturního života. Zároveň neseme za ně a prostřednictvím nich plnou odpovědnost za jejich rozvoj a sdílení. Některé z nich nedokážeme ovlivnit na základě osobního přístupu a celospolečenského zájmu. V těchto případech se snažíme na tyto fenomény reagovat v zájmu vlastního zachování a v některých okamžicích i za cenu ochrany lidského života před různými ohrožujícími vlivy. Je nejenom na nás jakým směrem se bude rozvíjet i další spolupráce mezi státy a národy a to nejen v globálním kontextu, ale i na úrovni regionální.

Bibliografie

1. McRobbie A.: Aktuální témata kulturních studií. – Praha : Portál, 2006.
2. Sorensen G.: Stát a mezinárodní vztahy. – Praha : Portál, 2005.
3. Giddens A.: Třetí cesta a její kritici. – Praha : Mladá fronta, 2004.

V. MODELS AND TECHNOLOGIES OF EFFECTIVE POLITICAL COMMUNICATION

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕКЛАМА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В ИНТЕРНЕТЕ: ОПЫТ ФРГ

В. П. Беляева,

*Заместитель директора школы,
Школа № 97,*

Г. Ш. Бадаева

*студент,
Российский университет
дружбы народов, г. Москва, Россия*

Summary. The article analyzes the ways and methods of the German party political advertising on the Internet. The attention is focused on the use of social networks in political practice. The basic theme of political texts. Showing some of the benefits of Internet technology.

Keywords: Internet; political advertising; political party; Germany; YouTube; Facebook; social networking; political communication.

В настоящее время сложно представить политическую партию без своего официального сайта в Интернете или страницы в известной социальной сети. Партии стараются реализовать максимум своего потенциала в онлайн-пространстве. Реклама в традиционных СМИ достаточно дорогостоящее мероприятие, которое могут себе позволить только крупные политические силы, и это далеко не способствует равной и справедливой конкуренции.

Интернет – это новый инструмент для реализации и продвижения своей политической платформы, поддержания своего имиджа среди электората [1], такой ресурс позволяет относительно небольшим политическим группам представлять свою позицию, а также выравнивает организационные возможности граждан в политике [2].

В ФРГ политические партии используют абсолютно все известные социальные сети, ежедневно обновляют свой контент, действуют эффективно и креативно [3]. По данным статистического сайта Plura Graph, 583 депутата Бундестага из 631 имеют персональный профиль в Facebook (92,4 %), 70,5 % депутатов также имеют свои, так называемые «фан-страницы». Наиболее активными партиями в сети являются Социал-демократическая партия (SPD) и «Левые» (Die Linke), 98,4 % и 96,8 % соответственно [4]. Как видно из результатов статистики, правящая партия менее активна в Интернете: христианско-демократический союз Германии занимает лишь четвертое место.

Парламентские и внепарламентские партии имеют свои официальные сайты. На их главных страницах, преимущественно, отображаются публикации, интервью на актуальные темы – «Flüchtlingspolitik» (Миграционная политика, SPD), «Militärische Unterstützung mit gemeinsamer Strategie» (Военная поддержка на основе общей стратегии, FDP), «Ändern wir die Politik, nicht das Klima» (Мы изменяем политику, не климат, die Gruene), Tornado-Einsatz in Syrien («Участие самолетов «Торнадо» в Сирии»), die Linke).

Все политические партии размещают свою политическую платформу на официальном сайте, знакомят пользователя с историей становления партии, предоставляют возможность стать членом партии, приобрести какой-нибудь товар с символикой, а также пожертвовать средства на развитие.

Как правило, официальные сайты немецких партий отличаются минимализмом, стандартным набором разделов. Однако стоит перейти на страницу партии на YouTube или в Facebook, то можно увидеть оживленные дискуссии на внутри- и внешнеполитическую тематики.

Мы констатируем, что рекордсменом по подписчикам в Facebook является партия «Левые» – более 123 тыс. человек. Партия ежедневно обновляет свою ленту новостей, размещая различные аналитические записи с фотографиями, афиширует интервью, митинги с участием представителей партии.

Подписчики активно комментируют данные записи и ведут дискуссии не только между собой, но и с представителями самой партии – возможно именно в этом секрет успеха этой партии в Сети, так как администрация страницы всегда реагирует на посты граждан.

Однако, всё же роль отдельных политиков-членов партии – сыграла не последнюю роль. Ключевые фигуры партий ФРГ создают свои персональные сайты, на которых можно найти фотографии из личного архива политика, подробно ознакомиться с биографией.

Анализ показал, что посещаемость таких сайтов низкая: возрастная категория посетителей от 45 лет и выше. Поэтому на сайтах модераторы сразу же оформляют «кричащую» ссылку на страницу политика в социальной сети.

Грегор Гизи, Сара Вагенкнехт, бывший и нынешний председатели фракции «Левых» в Бундестаге, соответственно, выступают с резкой критикой действий Канцлера, Правительства по основным направлениям внешней и внутренней политики – это сделало их популярными далеко за пределами Германии. Выступления на заседаниях Бундестага были переведены на русский, французский, испанский языки энтузиастами, и, разумеется, выложены на YouTube. Такая реклама положительно сказывается не только на имидже политиков, но и автоматически прибавляет вес политической силе, которую они представляют.

На видеохостинге YouTube публикуются не только телевизионные ролики политической рекламы, но и видеообращения, сюжеты о встречах с избирателями, а также участие ключевых фигур партии в различных телевизионных программах.

Видеоконтент также можно увидеть и в Facebook – в основном, это мультипликационные ролики, которые наглядно и четко отражают позиции партии, таким образом, упрощая задачу потенциальному избирателю – скрупулёзно читать политическую программу партии.

Набирающая популярность «Партия Пиратов», правая внепарламентская партия «Альтернатива для Германии» и вышеупомянутые «Левые», на фоне других основных политических игроков, выделяются своим «живым» языком коммуникации. Их публикации в соцсетях – это не стандартный пресс-релиз, а сообщение для «друга»; оно сформулировано без «канцелярских терминов», в понятной форме. «Левые», как правило, пишут в стиле Twitter – выделяют основное из своего сообщения и выкладывают ссылку; «Партия Пиратов» на базе своей программы, в которой провозглашается лозунг «больше демократии, больше участия», продвинулась еще дальше.

Каждый день публикуется в среднем 3–4 записи, члены правления партии постоянно общаются со своими избирателями через свои личные аккаунты или через официальную страницу партии. Получается так, что избиратель постоянно в курсе того, что происходит не только вокруг партии, но и в жизни ее основных членов. Таким образом, создается эффект «своего человека», друга, знакомого, у которого такие же обыденные проблемы, который действительно пытается улучшить условия жизни в своей стране.

Неожиданный взлет «Пиратов» (на сегодняшний день у «Пиратов» в арсенале места в парламентах земель и одно место в Европарламенте) заставил многие традиционные партии в ФРГ пересмотреть подходы в продвижении своего бренда. Вчерашние системные администраторы сумели привлечь на свою сторону недовольную политикой властей, безработную, но образованную молодежь с помощью новейших каналов политической коммуникации. Традиционные партии всерьез взялись за усовершенствование своей политики в Интернете.

Таким образом, одни партии на базе Интернета создают абсолютно новую партию, так называемую «сетевую», мобилизуют поддержку среди избирателей. Другие отдают предпочтение всё же традиционным каналам политической коммуникации и ограничиваются лишь официальным сайтом с простым интерфейсом.

Библиографический список

1. Анохин М. Г., Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Инновации в сфере политической интернет-коммуникации: опыт США // Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 4. – С. 85–91.
2. Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Политическая видеореклама в Интернете как инструмент выражения политической позиции молодежи // Youth.World. Politic. Научный междисциплинарный журнал. – 2013. – № 2. – С. 77–84.
3. Гудошникова О. Е. Инновации политической коммуникации: опыт Социал-демократической партии Германии // Informative and communicative space and a person: materials of the V international scientific conference on April 15–16, 2015. – Prague : Vědecko vydavatelske centrum «Sociosfera-CZ». – P. 146–149.
4. Facebookbenutzung I Bundestag. URL: https://pluragraph.de/categories/mdb/limited_to/facebook (дата обращения: 20.11.2015).

ТЕХНОЛОГИИ И МОДЕЛИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ МОЛОДЕЖИ ПОСРЕДСТВОМ ИНТЕРНЕТА

О. Е. Гудошникова

*Аспирант,
Российский государственный
социальный университет,
г. Москва, Россия*

Summary. The paper analyzes the technologies and models of political participation of young people through the Internet. Some approaches to understanding the phenomenon of political participation. Are some of the characteristics of the new tools that increase the participation of young people in politics.

Keywords: Internet; political participation; political process; information and communication technology; political technologies; Facebook.

Начало XXI века характеризуется мощным развитием информационно-коммуникационных технологий в политической сфере, умножением медиапотребления, изменением форм политического участия на их основе. Востребованность исследования взаимосвязи между Интернетом, политическими технологиями и политическим участием обусловлена дальнейшим научно-техническим прогрессом и вовлечением все большего числа акторов в политические процессы [1; 3; 6]. В разных научных школах, дисциплинах и дискурсах предлагаются свои собственные эмпирические подходы к изучению политического участия в информационно-коммуникационных системах.

Участие не имеет временных ограничений и ориентируется на развитие у граждан своего личного мнения. Участие связано с эффектом обучения в психологическом аспекте – для того, чтобы получить практический опыт в демократических процессах [9].

М. Каасэ отмечает, что «под участием ..., как правило, понимают все виды деятельности, которые граждане добровольно предпринимают с целью повлиять на решения на различных уровнях политической системы» [10].

Некоторые исследователи описывают индивидуальные формы и методы участия как переход от роли «послушный гражданин» к роли «активный гражданин», в ходе которого изменились требования к политическому участию молодых людей [7].

С распространением Интернета изменилось восприятие его влияния на политическое участие. Ранние представления были основаны на том обстоятельстве, что появление Интернета снижает технические барьеры для общения и взаимодействия. На основе этого были сделаны выводы, что политическая коммуникация и доля политического участия увеличатся. В то же время, как показывает анализ, взаимодействие между распространением Интернета и многочисленными гранями политической коммуникации гораздо сложнее [2].

Если используются платформы и каналы цифровых сетевых медиа, чтобы сформулировать политические интересы, скоординировать коллективные действия и добиться социального дискурса, следует говорить об участии в политических процессах через Интернет. В этом варианте, Интернет, выступает в роли инструмента, с помощью которого должны быть представлены гражданские стремления и достигнуты политические цели [5]. Так, например, политическая видеореклама как технология выступает специфическим инструментом политической активности и выражения политической позиции молодежи. Она обладает способностью формировать политическое сознание молодежи, влиять, управлять, манипулировать им, интерпретировать и конструировать политическое информационное пространство [4]. Для всех возрастных групп Интернет важный и все чаще используемый источник политической информации.

Различают три модели участия с помощью Интернета [11]:

– занять определенную позицию: молодые люди могут участвовать в решении коллективно значимых вопросов или проблем, при этом они занимают определенную политическую позицию и открыто выражают свое отношение к происходящему через членство в конкретных группах или демонстрируя собственные политические убеждения в личном профиле социальных сетей. Особая форма позиционирования отметить лайком конкретный пост на Facebook, что говорит, с одной стороны, о собственных индивидуальных предпочтениях к социальной сети, а с другой стороны, контролирует внимание, потому что часто «залайканные» посты появляются в новостных лентах других пользователей и, это растет как снежный ком, это может иметь вирусное распространение;

– принять активное участие: онлайн-платформы могут быть также использованы в качестве инструмента для выражения собственного мнения в политических дебатах и решениях. Степень детализации может ва-

рироваться, начиная от короткого, возможно даже бездумного мнения в комментариях, до диалога или дискуссии и высказывания своей позиции на видеохостингах, в блогах или форумах. В отличие от модели позиционирования, которая не имеет определенной направленности, в модели активного участия речь идет о конкретном обращении, призыве к диалогу и дискурсу;

– задействовать других: вышеупомянутые модели политического участия могут, как следствие, вылиться в третью форму – вовлечение других пользователей. Данная модель характеризуется инициированием и поддержкой коллективных действий. Трансляция ссылки как онлайн-петиции представляется как передача личного опыта и знаний, например, путем сбора документов для писем протеста депутатам, чеклисты для организации дискуссионных мероприятий или материалов на конкретные темы.

Таким образом, выводы о технологиях политического участия молодежи демонстрируют существенные различия с шаблонами участия предыдущих поколений. Понимание участия сегодняшней молодежи удаляется от классического принципа политического участия. Традиционное понятие участия тесно связано с классической, формальной политической деятельностью. На фоне социальных перемен, которые также затронули повседневную жизнь молодежи, появились новые интересы, мотивы и формы участия. Нетрадиционные формы участия становятся популярными. Участие все чаще представляется «в индивидуальном контексте социальных институтов и в отношении малых социальных миров, в которых молодые люди каждодневно вращаются». В молодежных исследованиях говорят в этом контексте о «деидеологизации молодежи и тенденции к индивидуальной приверженности» [8]. Политическое участие молодежи редко проявляется в виде членства в партиях или политических организациях.

Библиографический список

1. Анохин М. Г., Бочанов М. А. Информационные технологии «цветных революций» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2010. – № 4.
2. Анохин М. Г., Бочанов М. А., Ваховский А. М. и др. Политика. XXI век. Инновационные технологии: монография / под общ. ред. М. Г. Анохина, В. М. Платонова, О. Е. Гришина. – М.: РУДН, 2013. – 435 с.
3. Гришин О. Е. Политические технологии в XXI веке: сущность, спектр, характер // PolitBook. – 2014. – №2. – С. 19–32.
4. Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Политическая видеореклама в Интернете как инструмент выражения политической позиции молодежи // Youth. World. Politic. – 2013. – № 2. – С. 77–84.
5. Гришин О. Е., Воронова А. А. Инструментальная функция средств массовой информации и блогосферы в политическом информационном пространстве // PolitBook. – 2012. – № 1. – С. 100–111.
6. Жильцов С. С. Технологии политической борьбы за власть на Украине // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 6. – С. 52–61.

7. Begemann M.-C., Bröring M., Sass E. Jugendliche Aktivitäten im Wandel. Gesellschaftliche Beteiligung und Engagement in Zeiten des Web 2.0. – Dortmund, 2011.
8. Großegger B. Erstwähler/innen-Befragung zur Nationalratswahl 2008, Eigenstudie des Instituts für Jugendkulturforschung. – Studienleitung: Mag. Bernhard Heinzlmaier, 2008. – S. 13.
9. Jenkins H. et al. Confronting the Challenges of a Participatory Culture: Media Education for the 21st Century. – Massachusetts Institute of Technology, 2009. – S. 6.
10. Kaase M. Politische Beteiligung. In: Greiffenhagen M., Greiffenhagen S. (Hrsg.): Handwörterbuch zur politischen Kultur in der Bundesrepublik Deutschland. – Wiesbaden: Westdeutscher Verlag, 2002. – S. 349–363.
11. Wagner U., Brüggel N., Gebel C. Web 2.0 als Rahmen für Selbstdarstellung und Vernetzung Jugendlicher. Analyse jugendnaher Plattformen und ausgewählter Selbstdarstellung von 14-bis 20-Jährigen. Erster Teil der Studie «Das Internet als Rezeptions- und Präsentationsplattformen für Jugendliche» im Auftrag der Bayerischen Landeszentrale für neue Medien (BLM). – München, 2009.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОВРЕМЕННОМ ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ: ОТ СОЦИАЛЬНЫХ МЕДИА ДО PROGRAMMATIC

В. В. Таишева

*Магистр,
Российский университет
дружбы народов, г. Москва, Россия*

Summary. The article shows the variety of internet technologies are used in political process. There is the necessity of using IT in contemporary electoral campaigns to get all the targets. Such resources as social networks became a useful means for political candidates during elections due to the fact that Internet today is the main platform for communications between people and authorities. Besides, there is further development of the information technologies and such systems as programmatic became demanded to identify the target audience. Programmatic has improved the ability of marketers in the political arena to reach voters.

Keywords: Internet; information technologies; social networks; Facebook; mobile technologies; mobile apps; electoral campaign; elections; communications; programmatic; targeting; target audience; political advertising.

Сегодня правительства и политические силы развитых государств активно используют современные высокотехнологичные средства коммуникации и информатизации для достижения определенных политических целей и решения поставленных задач, как во внутренней, так и внешней политике. Одной из наиболее развитых стран в этом отношении является США, где уровень влияния информационных технологий на общество, общественное сознание и мнение один самых высоких в мире. Интернет-ресурсы являются основными или единственными источниками информации для более половины жителей США [1, с. 132].

В силу стремительного развития информационных технологий, большинство современных избирателей активно используют в своей повседневной жизни различные цифровые устройства для доступа к информации. Традиционные СМИ, такие как пресса, в её привычном виде, радио и телевидение, теряют популярность, уступая место источникам в сети интернет. Такую тенденцию важно учитывать при определении предвыборной и пропагандистской кампаний, с той целью, чтобы они достигли, в конечном итоге, правильную целевую аудиторию, электората. Кроме того, сосредоточение внимания на потребностях избирателей в конкретных областях или районах также является ключевым фактором в избирательной гонке. Грамотный таргетинг помогает выявить эти потребности и дает возможность взаимодействовать с нужной аудиторией. Это дает уникальную возможность охватить избирателей с повышенным интересом к конкретным вопросам в конкретных регионах.

Возможностью таргетировать пользователей обладают социальные сети, которые сегодня выступают не только площадкой для коммуникации, но являются и новостным, и информационным ресурсом. Так, всемирная социальная сеть Facebook позволяет определить наиболее лояльную к тому или иному кандидату часть электората, на которую политическая реклама окажет наибольшее воздействие. Подобный таргетинг позволяют осуществить данные о пользователях, которыми владеет Facebook: половозрастная структура, образование, интересы, политические взгляды, данные о месте жительства и перемещениях. Помимо прочего, Facebook обладает и другими весьма эффективными и популярными платформами, среди которых Instagram, WhatsApp и пр. Кроме того, эффективность и удобство использования социальных сетей в предвыборных кампаниях обуславливается тем, что социальные медиа не требуют сложного и официального языка общения, напротив, чем проще контент и формат публикации, тем эффективнее восприятие информации со стороны широкой аудитории пользователей.

Что касается видеоконтента, то здесь наиболее эффективными служат видеохостинги, в том числе их мобильные версии. Наиболее популярным таким ресурсом остается YouTube, который являлся одной из основных площадок Барака Обамы в его предвыборной кампании. На видеохостингах учитываются запросы целевой аудитории, и показ ролика на таком ресурсе будет достаточно эффективным. Кроме того, немаловажным остается тот факт, что показ ролика на подобном видеохостинге не оплачивается из фонда кандидата, а трансляция ролика на телевидении требует больших финансовых затрат [1, с. 145].

Также одним из плюсов использования социальных медиа и видеохостингов является возможность распространять информацию в вирусном формате, что предполагает кросс-сервисное размещение публикаций в наиболее интенсивном режиме.

При этом, необходимо также упомянуть об угрозах использования интернет ресурсов и необходимости грамотной политики в области информационной безопасности. Так, в 2012 году в ходе предвыборной гонки во Франции на странице Николя Саркози в сети Facebook появилась публикация о том, что кандидат решил не участвовать в выборах на пост президента. Опровержение было опубликовано лишь несколько часов спустя.

Также растет популярность и число пользователей различных мобильных приложений, которые могут служить эффективной технологией для продвижения субъектов публичной политики. Во время выборов в США штаб Барака Обамы разработал мобильное приложение для iPhone, которое можно было скачать в App Store. Помимо того, что приложение позволяло пользователю получить все актуальные новости о предвыборной кампании, сам пользователь, скачавший приложение, воспринимался уже как потенциальный избиратель Б. Обамы. Помимо этого, для iPhone были доступны и другие приложения: Campaign и Elections, которые предоставляли возможность узнать новости о ходе выборов, информацию о кандидатах, их кампаниях и пр.

Как известно, политические силы при закупке рекламы следуют примерам коммерческого сектора, а порой реализуют более эффективные и успешные маркетинговые стратегии. Таким образом, на сегодняшний день политические деятели, партии и общественно-политические объединения все больший интерес проявляют к так называемым алгоритмическим закупкам рекламы через programmatic-системы, которые получили широкое признание на рынке.

Programmatic – это совокупность методов закупки рекламы в интернете с использованием автоматизированных систем и алгоритмов для принятия решений о сделке без участия человека на основе социально-демографических и поведенческих данных о пользователях, имеющих в распоряжении, как площадки, так и рекламодателя, в данном случае, кандидата. Такой подход позволяет улучшить таргетинг и фактически перейти от закупки мест и показов к закупкам целевой аудитории или, как в нашем случае, электората [7]. В процессе работы технологии за доли секунд осуществляется обработка данных: анализ площадки на состав аудитории, соотношение этих данных с таргетингом клиента, выбор соответствующего рекламного формата.

Технология программатик расширяет возможности политтехнологов на политической арене, позволяя наиболее точно понять, как избиратель реагирует на политическую рекламу, достучаться до нужного избирателя, получить представление о его поведении и интересах. Программатик-каналы дают гарантию того, что предвыборная кампания кандидата достигнет нужной части электората и окажет влияние на правильную аудиторию. Согласно исследованиям компании Targeted Victory, в среднем 75 центов от каждого доллара, затраченного на политическую рекламу, тра-

тятся впустую, т.к. отсутствует надежное и точное таргетирование избирателей. Таким образом, в результате обращения кандидатов не к тем избирателям, политические силы несут огромные финансовые потери в ходе избирательной гонки [4]. Так, по данным Targeted Victory, 10-й избирательный округ по выборам в конгресс Иллинойса провел в 2014 году, как оказалось, весьма расточительную предвыборную гонку, в результате которой убытки составили 93 % от бюджета на избирательную кампанию. Бюджет республиканцев в итоге составил 19 148 540 долларов. Из которых лишь 1 389 261 доллар был направлен на таргетирование целевого электората [8].

Тем не менее, несмотря на растущую популярность программатик-систем, отказ от традиционных СМИ, в частности, телевидения и ТВ-рекламы, проходит неохотно, хотя интерес к технологии programmatic, которая позволяет провести глубокий анализ данных избирателей, присутствует. Borrell Associates представила прогноз, согласно которому в 2016 году в США на политическую ТВ-рекламу будет потрачено около 6 млрд долларов, против 5,75 млрд долларов в 2012 году. По другим данным, этот показатель составит 4,4 млрд долларов (Campaign Media Analysis Group) [6]. Однако к 2020 году расходы на политическую телерекламу сократятся и не будут превышать 5 млрд долларов, а по данным Borrell Associates снизятся до 3,5 млрд долларов [3]. Таким образом, можно говорить о снижении доли расходов на телевизионное вещание в ходе политической пропаганды к 2020 году.

По мнению политтехнологов, programmatic обладает немалым потенциалом и является одной из ключевых технологий, которая позволит одержать победу на выборах в США в 2016 году. По прогнозам Джей Си Медичи, топ-менеджера Rocket Fuel, в 2016 году в политическом секторе алгоритмические закупки рекламы увеличатся на 1000 % по сравнению с 2014 годом. По его словам, программатик «позволяет осуществлять сверхточный аудиторный таргетинг и забыть о контексте», в чем и состоит преимущество и комфортность системы [2]. «Программатик – это понимание плюс автоматизация» – именно так определяет программатик соучредитель компании Targeted Victory Зак Моффат, который руководил digital-кампанией Митта Ромни, кандидата в президенты США от республиканцев в 2012 году. З. Моффат заявляет, что в то время на программатик-системы были потрачены миллионы долларов, которые, в свою очередь, полностью окупились [5].

По данным Borrell Associates к 2020 году программатик-каналы станут основной статьей расходов, которые будут затрачены на цифровую рекламу. В 2016 же году затраты на цифровые медиа в политических целях впервые превысят отметку в 1 млрд долларов, что в 5 раз больше, чем тот же показатель в 2012 году (159,2 млн долл.) [3]. Таким образом, алгоритмические закупки рекламы способствуют тому, что основная часть поли-

тической рекламы и пропаганды перейдет в digital пространство в следующие 5–10 лет.

Таким образом, различные информационные и мобильные технологии, интернет-ресурсы, будь то социальные сети, видеохостинги или иные информационно-коммуникационные площадки, становятся более востребованными и необходимыми средствами в политической деятельности для успешного и наиболее эффективного воздействия на целевую аудиторию, в частности, в ходе избирательных кампаний. Грамотное использование современных технологий в процессе разработки и реализации предвыборной кампании позволяет политическим кандидатам оперативно корректировать свои программы и действия в соответствии с потребностями и интересами электората с целью повышения эффективности избирательной кампании и достижения поставленных задач.

Библиографический список

1. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. – М. : Издательство Московского университета; Проспект, 2015. – 272 с.
2. В 2016 г. программатик выйдет на политическую арену. URL: <https://megamozg.ru/company/byyd/blog/23320/> (дата обращения: 05.03.2016).
3. 2015 to 2016 political advertising outlook. URL: <https://www.borrellassociates.com/industry-papers/papers/2015-to-2016-political-advertising-outlook-august-15-detail> (дата обращения: 05.03.2016).
4. Campaign ads: programmatic TV has presidential aspirations. URL: <http://www.vidya.tv/blog/campaign-ads-programmatic-tv-has-presidential-aspirations/> (дата обращения: 05.03.2016).
5. Doing digital for Romney: an interview with Zac Moffatt. URL: <http://www.theatlantic.com/politics/archive/2012/01/doing-digital-for-romney-an-interview-with-zac-moffatt/251495/> (дата обращения: 05.03.2016).
6. How data and programmatic TV will dominate the 2016 presidential campaign. URL: <http://www.adweek.com/news/television/how-data-and-programmatic-tv-will-dominate-2016-presidential-campaign-166191> (дата обращения: 05.03.2016).
7. Programmatic для «чайников»: что такое программатик и как он работает. URL: <http://digitalbee.com/blog/digital-marketing/programmatic-dlya-chaynikov-cto-takoe-programmatik-i-kak-on-rabotaet/> (дата обращения 05.03.2016).
8. The newest political candidate: programmatic. URL: <http://www.mediapost.com/publications/article/256649/the-newest-political-candidate-programmatic.html> (дата обращения: 05.03.2016).

VI. ETHNIC-NATIONAL PECULIARITIES OF POLITICAL PROCESSES

РОССИЯ И УКРАИНА В КОНТЕКСТЕ УКРАИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2013–2014 ГГ.

Г. В. Черникова,

*Кандидат политических наук, доцент,
Российского государственного
социального университета,
филиал в г. Воронеже, Россия*

Е. Ю. Красова

*кандидат исторических наук, доцент,
Воронежский государственный
университет, г. Воронеж, Россия*

Summary. The peculiarities of Russian-Ukrainian relations at the interstate and mass consciousness levels have been analyzed. The impact of 2014 year political crisis in Ukraine on them have been characterized. The results of a sociological investigation of mass consciousness of Ukrainian, Russian and Voronezh citizens have been presented.

Keywords: Russian-Ukrainian relationships; political crisis in Ukraine; conflict model of relations; the partner model of relations; sociocultural distance; heterostereotypes; ethnic tolerance.

В настоящее время в отечественной и зарубежной науке и публицистике актуализировалась проблематика российско-украинских контактов. Толчком к этому послужил политический кризис в Украине 2013–2014 гг., сопровождавшийся многомесячной акцией гражданского протеста («Евромайдан»), сменой государственной власти, присоединением Крыма к России, а также военным конфликтом в Донбассе. Эти события, а также международная реакция на них, продемонстрировали, что российско-украинские отношения имеют принципиальное значение, выходят за рамки двусторонних, влияют на характер международных процессов. В частности, речь идёт о санкционной политике Запада в отношении России, интеграционных процессах на постсоветском пространстве, геополитической (связанной с непризнанием референдума в Крыму) и военно-политической обстановке в Европе и мире. Обладая значительными ресурсными возможностями, занимая важное геостратегическое положение, Россия и Украина могут выступать как стабилизирующим, так и дестабилизирующим фактором европейского миропорядка, сформировавшегося после Второй мировой войны.

Проблема влияния украинского политического кризиса 2013–2014 гг. на отношения между Россией и Украиной ждёт своего глубокого комплексного изучения. Вместе с тем она уже нашла освещение в современной научной публицистике в ракурсе прикладной социологии [8; 11; 23;

24], геополитики [7; 28; 30], политической лингвистики [27; 29], конфликтологии и элитологии [9; 12; 33]. В нашем исследовании, опираясь на междисциплинарный подход, мы попытаемся рассмотреть следующие ее аспекты. В чем заключаются особенности нынешнего этапа межгосударственных (Россия и Украина) и межгрупповых (русско-украинских) отношений, каковы обуславливающие их факторы, а также возможности изменения этих отношений в кратко- и среднесрочной перспективе? Действительно ли специфика русско-украинских отношений заключается в том, что они благоприятны на межгрупповом уровне, а при переходе на уровень межгосударственный «портятся» [32, с. 3]?

Для выявления особенностей нынешнего этапа российско-украинских отношений следует обозначить основные тенденции динамики этих отношений в так называемый постсоветский период. Эта динамика носила амбивалентный и асинхронный характер [1; 3; 4; 10]. Речь идёт о диалектически противоречивых тенденциях развития: от обострения к стабильности, от противостояния к сотрудничеству. В основе этой ритмологии лежит такой политический фактор как нахождение у власти тех или иных политических сил в Украине и России. Имеется в виду преимущественно президентские и парламентские избирательные циклы. Итак, за период суверенного существования после распада СССР в отношениях Украины и России можно выделить следующие этапы или ритмологические циклы/периоды.

Первый этап (конец 1991–1994 гг.), начавшийся после распада СССР, сразу же приобрёл характер противостояния, отличался конфликтностью, вследствие системной дезинтеграции в экономике, социальной структуре, общественно-политической сфере двух стран, необходимости решения серьёзных проблем самостоятельного развития (раздел Черноморского флота и определение его места базирования; разработка взаимоприемлемой модели формирования цен на газ и другие энергоносители и др.).

В следующий хронологический период (1994–2004 гг.) заметным становится сближение между двумя государствами, относительная стабилизация. В ходе этого этапа происходило нормативно-правовое оформление и институционализация межгосударственных отношений, налаживание реального взаимовыгодного сотрудничества в различных сферах общественной жизни, наблюдался существенный рост товарооборота. Наряду с развитием сотрудничества с Россией активизировались отношения Украины с Евросоюзом и НАТО. В этот период украинская правящая элита не только определилась с вектором интеграции, но и озаботилась обеспечением условий для его реализации.

Третий цикл (2005–2009 гг.) – это период обострения отношений, начавшийся после так называемой «оранжевой» революции и приходом к власти в Украине прозападных, пронационалистических политических сил, которые актуализировали проблему европейского выбора Украины и её

интеграции в НАТО. Подобная позиция украинской правящей элиты отражала не столько готовность к осуществлению модернизационного рывка, сколько стремление к дистанцированию Украины от России. В свою очередь ряд российских политиков и чиновников высшего уровня также давали достаточно поводов для русофобских настроений своими, как правило, неофициальными заявлениями и высказываниями, которые можно квалифицировать как имперские амбиции [16; 19].

С приходом к власти в Украине В. Януковича (2010 г.) начался новый этап сближения отношений между двумя странами. Первые шаги В. Януковича на посту президента (подписание Соглашения между РФ и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины от 21 апреля 2010 г.; провозглашение внеблокового статуса Украины) дали повод российской правящей элите надеяться на заключение целого ряда интеграционных проектов. Однако переговорный процесс 2011–2012 гг. показал, что обе стороны не хотят идти на уступки и могут вновь оказаться перед лицом затяжного противостояния, а в «газовом вопросе» дело может пойти и до очередной «войны».

Смена власти в Киеве в феврале 2014 г. и стремительное присоединение Крыма к России (вопреки украинскому законодательству и международным нормам) стали началом нового витка враждебности. Пришедшие к власти в Украине прозападные политические силы взяли курс на сворачивание сотрудничества с Россией и дальнейшую интеграцию в ЕС и евроатлантические структуры безопасности. В 2014 г. было подписано Соглашение об ассоциации Украины с ЕС, отменен закон о внеблоковом статусе страны, а в сентябре 2015 г. президент П. Порошенко утвердил новую редакцию военной доктрины Украины, в которой Россия объявлялась агрессором, представляющим актуальную военную угрозу для Украины.

В современной научной публицистике доминируют два дискурса относительно причин ухудшения межгосударственных отношений на нынешнем этапе взаимодействия. Первая, активно пропагандируемая через подконтрольные российской власти СМИ, сводит истоки дистанцирования преимущественно к внешнему фактору [13; 28; 30]. В частности, речь идёт о том, что Запад, в лице, прежде всего, США, всячески способствовал государственному перевороту в Украине, приведшему в 2014 г. к устранению с поста президента пророссийски ориентированного В. Януковича и захвату власти прозападно настроенной частью политической элиты Украины. Другой дискурс, напротив, настаивает на том, что определяющую роль в дистанцировании российско-украинских отношений сыграла Россия в лице её властвующей политической элиты [9; 12; 21]. Имперские амбиции этой элиты, стремящейся сохранить Украину в сфере российского влияния, не допустить её дрейфа в сторону НАТО и Евросоюза, навязать собственную антилиберальную модель государственного устройства, – вот некоторые из аргументов, которыми оперируют авторы рассматриваемого дискурса.

Не сбрасывая со счетов влияния внешнего фактора (в лице ЕС и США) отметим, что такие действия как присоединение Крыма к России, поддержка Россией Донбасса, а также свергнутого экс-президента В. Януковича стали определяющими в обострении отношений между двумя странами.

Несмотря на то, что напряженность в отношениях между Россией и Украиной в том или ином виде существовала с первых дней распада СССР, нынешнее обострение имеет беспрецедентный характер. Очевидно, что это осложняет урегулирование многих «старых» конфликтных вопросов, накопленных за десятилетия раздельного существования (например, энергетические и энерготранзитные, вопросы экономического диалога, а также защиты прав и свобод русскоязычного населения) и не способствует решению «новых» проблем (например, статус Донбасса).

Непростые межгосударственные отношения находят отражение в общественном мнении граждан России и Украины: обнаруживается тенденция дистанцирования между двумя странами. Это проявляется в следующих аспектах. Во-первых, позиция единства России и Украины как в территориально-государственном (объединение стран), так и в этнокультурном плане, не является преобладающей среди большей части населения РФ и Украины [5; 11]. Видимо, среди прочего, объясняется это происходящей сменой поколений. Средние и молодые возрастные группы не ностальгируют по СССР в отличие от старших. Новое постсоветское пространство воспринимается ими как нечто само собой разумеющееся. Во-вторых, рост негативизма по отношению к противоположной стране, который ранее проявлялся в ходе так называемых «газовых войн», в последние несколько лет приобрел относительно устойчивый характер, достигнув пика в 2015 г. [5; 11; 23]. По данным Левада-центра осенью 2015 г. более половины и украинцев, и россиян выразили «плохое» отношение к соседнему государству [20]. В том же году треть опрошенных россиян полагали, что межгосударственные отношения должны строиться на основе закрытых границ, с визами и таможенной [31]. Если в марте 2014 г. почти половина россиян хотели, чтобы восток Украины стал частью Российской Федерации, то в январе 2015 г. таких оказалось только пятая часть. Более половины считали, что украинское правительство должно предоставить ДНР и ЛНР независимость. Наконец, треть опрошенных прогнозировала, что конфликт приобретет затяжной характер, распространится на другие регионы Украины. В то же время 26 % утверждали, что ДНР и ЛНР сохранятся в нынешних границах как независимые государства [31].

Среди жителей Украины утвердилось мнение о том, что Россия ведет необоснованную войну с Украиной, мешая возвращению «соседа» к докризисному состоянию [8]. Говоря о политическом будущем Донбасса, 45 % предпочли, чтобы регион оставался частью Украины на тех же условиях, как это было до кризиса, а еще 32 % – оставался частью Украины, но

получил большую независимость от Киева, лишь 7 % – стал независимым государством.

Надо заметить, что расхождения в оценках по наиболее конфликтным вопросам – о российской поддержке русского населения Украины, об ответственности за военное противостояние, о путях преодоления конфликта на востоке – среди россиян и жителей Украины значительны [8]. В этом коренятся опасности искажения информации, доходящей до массового сознания, для российско-украинских отношений. Известно, что важнейшим фактором возникновения конфликтов является восприятие ситуации как конфликтной. Не исключено и влияние националистической риторики, получившей распространение в социальных сетях. Националистические тексты содержат впечатляющие образы «свой» и «чужой» [2, с. 244]. Конфронтационный дискурс в информационной войне сопровождается обострением фобий: публичные русофобские и украинофобские высказывания разъединяют общество [27, с. 97–98; 29].

В то же время на протяжении всех последних лет большая часть опрошенных граждан и России, и Украины положительно относятся друг к другу [11; 22; 24]. Следовательно, тезис о благоприятных русско-украинских отношениях на межгрупповом уровне остается актуальным, несмотря на присоединение Крыма к России (которое поддерживают большинство россиян), а также негативное восприятие жителями обеих стран высшего руководства противоположной стороны [5; 11].

Для более детального анализа складывающейся модели отношений на уровне массового сознания обратимся к фактологическому материалу, полученному на региональном уровне [14; 15]. Так, в г. Воронеже на базе Воронежского госуниверситета весной 2014 г. (период острейшей фазы политического кризиса в Украине) было проведено исследование особенностей контактов русских и украинцев в оценках жителей города. Для массового опроса была рассчитана квотно-пропорциональная выборочная совокупность с учетом статистических данных (N=200).

Пример Воронежской области имеет принципиальное значение в силу особого характера этноконтактной ситуации, сложившейся в данном регионе. Граница между Воронежской областью и Украиной имеет протяженность более 100 км. Согласно статистике, в составе населения г. Воронежа кроме большинства – русских (91 %), самая большая по величине этническая общность – украинцы (1,8 %) [6]. В городе много смешанных семей, у многих есть родственники на Украине. Более половины русских горожан, согласно опросу 2011 г., достаточно активно контактировали с представителями других культур, с украинцами в первую очередь [14, с. 41]. В 2014 г. 62 % респондентов ответили, что в их ближайшем окружении есть представители украинского этноса: родственники (41 %), друзья (41 %), знакомые (22 %), коллеги по работе (13 %), соседи (4 %). Контактность представителей двух славянских народов традиционно высока.

В процессе межэтнического взаимодействия выстраивается субъективно осознаваемая и переживаемая социокультурная дистанция. В ее основе, как правило, заложен информационно-коммуникативный фактор. В Украине бывали больше половины горожан, причем, треть – довольно часто. Знакомство с историей взаимоотношений русских и украинцев демонстрирует табл. 1.

Таблица 1

Степень информированности респондентов об истории взаимоотношений русских и украинцев, %

Степень	%
Очень хорошо знаком	30,5
Скорее хорошо, чем плохо	34,5
Скорее плохо, чем хорошо	25,0
Ничего не знаю	6
Затрудняюсь ответить	4,0

Как видно, познания в истории русско-украинских взаимоотношений довольно велики. Незначительная часть горожан, по самооценкам, оказалась совсем не информирована. Понятно, что этот вопрос входит в разряд престижных, поэтому в исследовательской процедуре был предусмотрен контроль. Мы поинтересовались тем периодом истории, который, по мнению воронежцев, является самым ярким. Ответы не дали лишь 8 %. Остальные суждения распределились следующим образом, см., табл.2.

Таблица 2

Яркое историческое событие в русско-украинских отношениях в оценках респондентов, %

Период истории или историческое событие	%
Кризис в Украине 2013–2014 гг., Евромайдан, присоединение Крыма к России	42,8
Великая Отечественная война	20,1
СССР и его распад	19,0
Киевская Русь	6,0
Воссоединение Украины с Россией 1654 г.	4,9
Другое («Отечественная война 1812», «XX век», «Советско-польская война 1919–1921», «время функционирования УПА в XX веке» и т. д.)	7,2

Очевидно, что в иерархии событий первое место занимает современная кризисная ситуация в Украине, ведь общественное мнение зависит от социально-политического пространства, является производным от событий. Не случайно более половины воронежцев регулярно смотрят новости, читают об украинских событиях в интернете. Лишь 5,5 % не интересуются происходящим. Среди суждений встречались и агрессивные высказывания – «Россия тащила Украину, даже Крым подарила», и пронзительно-печальные – «Киевская Русь – когда мы были братьями».

Что роднит русских и украинцев? Респонденты выделили социокультурные характеристики: культуру, традиции и обычаи (54,5); образ жизни (29,0 %); черты характера (26,5 %);

Более четверти указали на административно-территориальный фактор – общую границу. Лишь 6 % категорически утверждают, что общего нет.

Ответы на вопрос о специфических признаках двух народов отличались большим разнообразием. Впрочем, более трети полагают, что никаких отличий вообще нет. Еще 29 % указали на языковые различия. Далее по убыванию следуют указания на следующие факторы.

- Черты национального характера. Украинцам приписывается жадность, расчетливость, вредность, хитрость, непостоянство. Русским приписывается открытость, надежность, лень, щедрость, доброта, выдержка, терпение, сопереживание.
- Менталитет, мировоззрение, взгляды на жизнь, состояние души.
- Отношения к Родине, родному языку и истории, политика (например, «на Украине полный развал страны»), гражданство.
- Отношение к собственным национальным традициям и обычаям, быт, кухня.
- Отношение друг к другу. (Например, «русские относятся к украинцам лучше, чем украинцы к русским», «украинцы – недружественный народ, очень боевые женщины»).
- Географическое расположение, масштабы территории.
- Материальное положение, социальное развитие общества.

Из сравнения сходных и отличительных признаков русского и украинских этносов, упомянутых участниками опроса, становится ясным, что в целом общественное мнение склоняется к оценке социально-психологической и культурной близости двух народов.

Жесткость и размер социокультурной дистанции косвенно служат показателями стабильности или нестабильности общества, как на институциональном уровне, так и на уровне принятия большинством единой системы ценностей и норм [26, с. 133]. Возникают вопросы: «К какому полюсу склоняется общественное мнение – к доброжелательности или неприязни? Сложилась ли этническая толерантность?». На самом деле это чувствительная проблема, разобраться в которой непросто. В исследовании была предусмотрена проективная ситуация, позволяющая делать предпо-

ложения о глубинном сознании – коллективном бессознательном. «Представьте такую ситуацию. Вам необходимо создать сказочного персонажа – украинца/украинки. Как бы Вы его/ее изобразили?». Мы расположили символические образы, описанные респондентами, на условной шкале, где крайними вариантами стали доброжелательность и неприязнь, серединой стала этническая толерантность. См., табл. 3.

Таблица 3

**Портрет сказочного персонажа – украинца/украинки –
в интерпретации респондентов, %**

Категория	%
<p>Доброжелательная коннотация (позитивная, насмешливо-добрая окраска): «Мужчина в национальном костюме, всегда готов помочь соседу – русскому», «крепкий, стройный парень, девушка – привлекательная с венком на голове», «с чубом и шашкой, любит сало и борщ», «Иванушка-дурачок», «молодой принц в национальном костюме», «Чиполлино», «домовенок Кузя», «любой добрый герой», «смешной», «самый добрый человек», «кот Леопольд», «преданный милосердный, сознающий свое место в мире», «озорной, веселый человек», «веселый, толстенький мужичок», «папаха, шашка, усы, чуб, смелый и веселый», «запорожский казак, хорошо поет», «добряк – пацифист с усами», «рубашка-парень», «Емеля», «Колобок», «Петрушка», «Гулливер», «Чебурашка», «толстяк с усами в смешной панаме, надеется на цветик-семицветик», «клоун-весельчак», «Винни Пух», «пингвин», «Снегурочка», «подобие русского казака, сильный и мужественный», «добрый, сильный, справедливый, трудолюбивый», «житель славянской внешности, тот же русский человек, только говорящий на украинском языке», «он был бы добрым, приветливым и жизнерадостным», «сильный богатырь», «добрый и милый толстяк в народном украинском костюме, с румяными щеками, который имеет большую семью и много друзей», «смелый, любящий Родину запорожский казак», «казак на горячем коне, храбрый и честный», «широкое тело и душа», «казак вольный и свободолюбивый» и др.</p>	39,6

<p>Этническая толерантность (уважительная по отношению к «другому» окраска): «большой трудолюбивый, богобоязненный с бутылкой самогона и салом в зубах», «похож на джина», «герой Гоголя», «толстый мужик, умеющий договариваться», «как в последней версии фильма Вий», «типичный казак», «крупный мужчина с усами, любит сало и самогон, рассудительный, сильный», «ищет славы, острый язык, любит выпить, но в меру», «Тарас Бульба», «медведь», «Отап Бендер», «казак, в широких штанах и широкой рубахе, владел бы скатертью-самобранкой, на которой всегда были бы горилка и сало», «не простой, с чувством юмора», «высок, открыт для общения, склонен к бунтарству» и др.</p>	35,4
<p>Неприятная коннотация (негативная, отчужденная, саркастическая окраска): «завистливый сосед-хохол», «все время жует», «тощий алкаш с длинными усами», «длинный чуб, шаровары, очень хитрый и жадный», «патриотичный и не терпящий отказа», «лентяй с салом и горилкой», «глупый, доверчивый Иван-дурак, только сказка плохо закончилась», «Хитрый лис», «Кот Базилио», «старуха из сказки «Золотая рыбка», «Карабас-Барабас», «Старуха Шапокляк», «Степан Бандера», «Баба Яга», «смесь Тараса Бульбы и батьки Махно», «это лиса, и все качества лисы как сказочного персонажа», «умеет много-много есть людей русской нации», «волк из мультфильма «Жил-был пес», «иуда», «толстый хохол с челкой и лысиной – казак, или польский лакей – боец Украинской Повстанческой Армии», «зомби», «зачем придумывать, есть Янукович», «черт пьяный с курительной трубкой», «Фрекен Бок», «Попандопуло» и др.</p>	25,0

Судя по представленным символам, в этническом пространстве города преобладают доброжелательное взаимодействие и этническая терпимость. Враждебность характерна для четверти воронежцев. Такое предположение находит подтверждение и в разбросе гетеростереотипов, свойственных горожанам. Для 64,6 % характерны позитивные представления с указанием положительных черт украинцев – доброты, общительности, отзывчивости, дружелюбия, свободолюбия, гостеприимства, сплоченности, трудолюбия, мужества, умения петь и др. Однако, у 32% опрошенных выявлены негативные установки. Среди них типичные признаки «чужого» и «врага», которые циркулируют у любых народов – хитрость, жестокость, глупость и др. Часть респондентов среди главных черт назвали «воруют газ», «руссофобы», «неблагодарные». Наконец, есть и такие позиции: «те же русские, менталитет другой немного» и «все одинаковые под влиянием глобализации». Этнические стереотипы, актуализированные в общественном мнении воронежцев, имеют важную функцию сохранения и защиты

социального порядка, выражая отношение не только к другому народу, но и к государству и власти [17, с. 213–214].

Драматические события в Украине затронули чувствительные струны в массовом сознании воронежцев, не оставили их равнодушными. Этноконтактная среда способствовала появлению в большинстве случаев конструктивного восприятия другого народа, в основе которого положительные стереотипные образования в этносознании. Однако часть горожан настроена недоверчиво, подозрительно или враждебно.

Таким образом, складывающиеся отношения России и Украины в их многогранности обусловлены не только политическими факторами и их освещением в СМИ, но и другими значимыми обстоятельствами. Среди них наиболее важными являются социокультурная и территориальная близость, экономическая взаимозависимость и тесные гуманитарные связи. Каждый из этих объективных факторов и их совокупность, как показала практика, могут выступить в роли препятствия или катализатора развития конфликтных отношений между странами.

К настоящему времени в российско-украинских отношениях накоплен существенный конфликтогенный потенциал, затрагивающий геополитические, экономические, социокультурные и иные сферы жизнедеятельности. Соответствующая модель отношений сопряжена с большими ресурсными расходами, трудностями и ослабляет оба государства. С одной стороны, это требует срочного изменения существующих подходов к решению накопившихся проблем и формирования новой консенсусной модели двусторонних отношений, основанной на действенном механизме разработки, принятия и выполнения совместных решений. С другой стороны, сложившийся статус-кво не позволяет в ближнесрочной перспективе ожидать качественного улучшения этих отношений. Вместе с тем, как показало исследование, общественное мнение россиян и украинцев дает толерантный импульс политическому истеблишменту. Смягчение враждебной публичной риторики правящей элиты обеих стран и соответствующего информационного пространства могло бы в некоторой степени ослабить имеющееся напряжение. В среднесрочной перспективе изменения российско-украинских отношений, выведения их из состояния противостояния к сотрудничеству стоит ожидать только после корректировки внешнеполитических стратегий обеих государств. А это, как правило, связано со сменой правящей элиты.

Библиографический список

1. Бабенко В. Н. Украина-Россия (1991–2010): через противостояние к сотрудничеству?: Аналитический обзор РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глоб. и регион. проблем. Отдел Вост. Европы; отв. ред. Ю. И. Игрицкий. – М., 2010. – 84 с.
2. Ворошилова М. Б. Когнитивный арсенал и коммуникативные стратегии современного националистического дискурса // Политическая лингвистика. – 2014. – № 3 (49). – С. 242–245.
3. Глухова А., Черникова Г. Политические элиты России и Украины в конце XX – начале XXI вв. Сравнительный анализ. – Germany : LAPLAMBERT Academic Publishing, 2012. – 153 с.
4. Глухова А. В., Черникова Г. В. Политические элиты России и Украины: попытка сравнительного анализа // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. – 2011. – № 1. – Январь-Июнь. – С. 5–14.
5. Динамика положительного отношения населения Украины к России и населения России в Украине («конец неразделенной любви украинцев к России»). 5.10. 2015 г. Киевский международный институт социологии. URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=550&page=1>.
6. Доклады «Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года». – Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.
7. Жильцов С. С. Карт-бланш. Украина вышла из сферы влияния России // Независимая газета. 17.11.2015. – URL: http://www.ng.ru/cis/2015-11-17/3_kartblanch.html.
8. Жители России и жители Украины о войне, ответственности, будущем// АНО Левада-Центр. 22.10.2014. - URL: <http://russia-rating.ru/info/3895.html>.
9. Жолквер Н. Каковы мотивы действий Кремля в отношении Украины?// DeutscheWelle. 30.03.2015. - URL: <http://dw.com/p/1EzdO>.
10. Зубакова А. В. Украина-российские отношения в свете новых геополитических реалий: автореф. дис... канд. полит. наук. – М., 2008. URL: <http://www.dslib.net/globalizvitiie/ukraino-rossijskie-otnosheniya-v-svete-novyh-geopoliticheskikh-realij.html>.
11. Как изменилось отношение населения Украины к России и населения России к Украине. Киевский международный институт социологии. 06.10. 2014. URL: <http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=404&page=8>.
12. Колесников А. Теория перманентной войны // Московский центр Карнеги. 15. 09.2015. URL: <http://carnegie.ru/2015/09/15/ru-61300/ihs5>.
13. Кондрашов А. Крым. Путь на Родину. Документальный фильм. 2015 г. URL: http://f.usemind.org/img/6/UseMind.ORG_krym-put-na-rodinu.jpg.
14. Красова Е. Ю., Конго К. И., Буховец А. Г. Этническая «Мы-концепция» русских воронежцев (эмпирическое исследование 2011 г.) // Вестн. Воронеж. ун-та. Сер. История. Политология и социология. – 2011. – № 2. – С. 34–45.
15. Красова Е. Ю. Этнические стереотипы в массовом сознании воронежцев // Известия Воронежского гос. пед. ун-та. – 2015. – № 3 (268). – С. 156–159.
16. Лавров: РФ сделает все, чтобы не допустить Украину и Грузию в НАТО // Взгляд. Деловая газета. 09.04.2008 г. URL: <http://vz.ru/news/2008/4/9/158278.html>.
17. Налчаджян А. А. Этнопсихология. – СПб. : Питер – 2004. – 381 с.
18. Попов О. В. Общественное мнение жителей Санкт-Петербурга о ситуации на Украине: единство vs раскол // Социально-политическая трансформация в современной России: поиск модели устойчивого развития : сб. тезисов IV Всероссийской научно-практического Симпозиума с международным участием. – М. : Институт Справедливый мир, 2014. – С. 111–113.

19. Пятилетова Л. Потомки не простят // Российская газета: Федеральный выпуск. 25.07.2008. – № 4715. – 24 с.
20. Российско-украинские отношения в зеркале общественного мнения. Сентябрь 2015. Аналитический центр Юрия Левады. 05.10.2015 г. URL: <http://www.levada.ru/2015/10/05/rossijsko-ukrainskie-otnosheniya-v-zerkale-obshhestvennogo-mneniya-sentyabr-2015/>.
21. Российско-украинские отношения. Взгляд из Украины. Российский совет по международным делам. 19. 03.2014 г. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3337#top-content.
22. Россияне о межнациональных браках. ВЦИОМ. 27.08.2010. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=13774>.
23. Россия – Украина: пропасть или взлет? ВЦИОМ. 21.09.2015. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115397>.
24. Русские и украинцы: «никогда мы не будем братьями»? ВЦИОМ. 10.04. 2014. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=114778>.
25. Сикевич З. В. Русские, украинцы, белорусы: вместе или врозь? // Социол. исслед. – 2007. – № 9. – С. 59–69.
26. Сикевич З. В., Крокинская О. К., Посель Ю. А. Социальное бессознательное. – СПб. : Питер, 2005. – 267 с.
27. Синельникова Л. Н. Информационная война adinfinitum : украинский вектор // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 95–101. Об информационной агрессии
28. Соловьев Э. «Украинский разлом» в российско-американских отношениях // Портал «Перспективы». 05.06.2014 г. URL: http://www.perspektivy.info/rus/gos/ukrainskij_razlom_v_rossijsko-amerikanskih_otnoshenijah_2014-06-05.htm.
29. Тагильцева Ю. Р. «Хто не скаче, той москаль»: информационная агрессия как компонент информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2 (48). – С. 185–189.
30. Тренин Д. Россия порвала с однополярной системой: побудительные мотивы политики Путина // Московский центр Карнеги. 19.03.2015 г. URL: http://carnegie.ru/2015/03/19/ru-59425/i4la?mkt_tok=3RkMMJWWfF9wsRoiv63NZKXonjHpfsX76OgtXqSg38431UFwdcjKPrmjrlYcSTMJ0aPyQAgobGp5I5FEIQ7XYTLB2t60MWA%3D%3D.
31. Украина: внимание и оценки // АНО Левада-Центр. 05.02.2015. URL: <http://www.levada.ru/05-02-2015/ukraina-vnimanie-i-otsenki>.
32. Фурман Д. Русские и украинцы: трудные отношения братьев // Украина и Россия: общества и государства. Серия «Россия и страны бывшего СССР. Общества и государства». Вып. 1. – М. : Изд-во «Права человека», 1997. – С. 3–19.
33. Фесенко В. В. Крым вернется в Украину после смены власти в России // Центр прикладных политических досліджень «Пента» 4.01.2016. URL: [http:// penta.org.ua/expert_comments/2986/](http://penta.org.ua/expert_comments/2986/).

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: ИСТОКИ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ТЕНДЕНЦИИ

Д. В. Шумилина

*Студентка,
Российский университет
дружбы народов, г. Москва, Россия*

Summary. The article is devoted to the problem of nationalism in Japanese modern society. It includes aspects of re-writing history in schoolbooks. And it describes the problem of partial denial of historical facts discrediting Japan.

Keywords: Japan; nationalism; comfort women; Nanjin; re-writing history.

Многие народы в определенный момент своей истории продвигали идею собственной избранности высшими силами, но лишь некоторые из них смогли донести эту мысль об избранности и превосходстве до своих потомков, живущих в XXI веке [1]. Говоря о национальной гордости можно вспомнить британцев, с одной стороны равняющих себя с остальными европейскими народами, но чувствующими некоторое национальное превосходство над соседями с континента. Стоит, естественно, вспомнить американцев – «nation of the free», поборников демократии, буквально рождающимися с гордостью за свое отечество. Но ни одна нация не сравниться в этом вопросе с японцами, сумевшими даже в современном мире при всех процессах глобализации сохранить естественную для себя идею «свой-чужой».

В японской культуре существуют такие понятия как «ути» и «сото». Первое используется для обозначения своего круга – семья, работа, страна – в зависимости от контекста. Второй термин обозначает всё, что находится за пределами этого круга. Соответственно, весь мир для японцев это «сото». Каждый иностранец или «гайдзин» (грубая форма обозначения не японцев) всегда будет для жителей Страны Восходящего Солнца человеком извне, независимо от того, как долго он прожил в стране, на каких основаниях и насколько владеет японским языком. По-настоящему стать одним из «ути» не дано ни одному иностранцу – он может создать семью, прижиться на работе, но выйдя за пределы своего круга, он будет раз за разом наталкиваться на спрятанную за привычной вежливостью неприязнь японцев к иностранцам. Как еще можно объяснить в демократической стране существования заведений с пометкой «только для японцев». Для иностранцев, приехавших в Японию для работы, существуют строгие рамки, в которых им приходится существовать. Прибывшим в страну самостоятельно без предложения с японской стороны на таких основаниях, как учеба, вступление в брак и т. д., крайне сложно найти работу – помимо ограничения заработной платы для иностранцев в стране так же существует простое непонимание со стороны общества, зачем брать на работу не

японца. Работодателю придется быть крайне убедительным с вышестоящими органами, объясняя им, зачем ему нужно нанимать иностранца.

В послевоенный период жителям проигравшей Японии пришлось столкнуться с невиданным для них позором: жить в мире, где гордиться тем, что ты японец, было постыдно. Гордость за свою принадлежность к народу страны Восходящего Солнца, для стороннего мира победителей была равнозначна гордости за все кровавые преступления, в которых обвинялось милитаристское правительство Японии и ее армия. За 70 лет минувших с конца Второй Мировой Войны японское общество реформировалось до впечатляющих показателей: национальная культура, которая в период оккупации американскими войсками была превращена в элемент увеселения иностранцев, нашла свое место в современной демократической, технологически развитой Японии. Современные японские мегаполисы было бы трудно отличить от таких же крупных городов на другой стороне континента или за его пределами, если бы не некоторые выделяющиеся черты, среди которых яркое отсутствие мультикультурализма.

Недоверительное отношение японцев к иностранцам формировалось на протяжении ни одной сотни лет, когда страна была закрыта от практически всех контактов с внешним миром. Однако уже тогда японцы успешно пользовались научными знаниями, которые проникали в страну вместе с книгами, ввезенными с помощью единственного моста между японским государством и Европой – голландскими торговцами. Этот нюанс до сих пор красочно показывает отношение японцев к иностранцам – они готовы пользоваться знаниями, приехавших в страну, но пускать их в свой круг японцы не намерены.

Со стороны, Япония последних десятилетий рассматривалась, как экономически сильное и технологически развитое, но при этом исключительно пацифистское государство – наиболее спорная 9 ст. японской Конституции долгие годы сдерживает правительство Японии, находящееся под протекторатом «Большого Брата», от перехода к милитаризации. В то время как в самом государстве проводилась целенаправленное укрепление националистических идей в обществе.

Естественно, что заложение идеи национального превосходства японцев, чувство любви к своему государству, истории и культуре следует проводить с юных лет. Средства массовой культуры подходят для такой цели как нельзя лучше. Историческая тематика, зачастую романтизирующая образы преданных стране и господину самураев, реальных исторических личностей, боровшихся за благоденствие своей страны, широко используется среди популярных в Японии манг, анимэ, сериалов и кинофильмов. Охватывающие аудиторию любой возрастной категории и любого пола эти творения японской культуры благотворно влияют на усиления патриотизма в обществе, оставляя в стороне наиболее неприглядные моменты японкой истории.

Важным аспектом внедрения националистического мировоззрения в умы будущих поколений является школьное образование. В 1947 году получил силу Закон о школьном образовании, созданный под контролем оккупационных американских властей. В дальнейшие годы он становился причиной бурных диспутов среди японских политических и академических кругов. Стороны разделились на сторонников более демократической модели образования, где нет места политическому вмешательству в образовательный процесс, и приверженцев усиления патриотического воспитания в школах. Именно их сторону в этом вопросе и приняло правительство, в результате чего в 2006 году в основной Закон о школьном образовании была внесена поправка, согласно которой требовалось усилить патриотическое воспитания молодежи в образовательных учреждениях, в том же году в школьную программу для учащихся средней школы были введены уроки морали [2, с. 272].

Не смотря на то, что де-юре Министерство образования не вовлечено в процесс создания школьных учебников, де-факто именно от решения, полученного со стороны, министерства зависит, будет ли напечатан учебник. Таким образом, происходит давление на законодательно свободную от внешнего вмешательства сферу. Самой жесткой цензуре традиционно подвергается учебник по истории. Японцам свойственно преуменьшать размер ущерба и количество погибших, ставших жертвами японской агрессии. Так японские политики не раз позволяли себе ставить под сомнение массовые убийства, произошедшие в Нанкине в 1937 году. Так мэр города Нагойя Такаши Кавамура в 2012 заявил, что сомневается в том, что кровавые события в Нанкине действительно произошли. По сей день идет расхождение в называемых цифрах о количестве погибших: китайская сторона заявляет о более чем 300 тыс. погибших, когда в Японии по разным данным эта цифра варьируется от 20 тыс. до 200 тыс. человек [4].

Хотя одобренные министерством учебники не скрывают кровавую историю действий японской армии, но формат подачи материала, частично списывает вину с японских военных за совершенные преступления, в особенности по отношению к мирным жителям. Так в 2007 году на острове Окинава прошел ряд протестов посвященных тому, что в японских учебниках по истории было решено переписать факты битвы за остров. Конкретно скандал произошел вокруг описания действий японской армии по отношению к гражданскому населению, а именно принуждение жителей Окинавы к совершению самоубийств [2, с. 280].

Другим серьезным вопросом, который, по мнению японских националистов, должен быть стерт из истории страны как минимум на уровне уроков истории в школе, является крайне щепетильный вопрос «женщин комфорта», которые подвергались насилию со стороны солдат японской армии в, так называемых, «станциях утешения», существовавших в Японии и оккупированных ею территориях в 1932–1945 гг. В 2007 году по инициативе правящей Либерально-демократической партии эта тема была убрана из японских учебников.

Особенностью данной проблемы является так же то, что женщины, подвергшиеся насилию, в полной мере не воспринимаются жертвами ни с японской стороны, ни со стороны азиатских государств. Одной из причин подобного отношения можно назвать то, что легально проституция была разрешена в Японии вплоть до 1956 года, соответственно оправданием для существования «станций утешения» представлялось то, что женщины в них либо изначально были вовлечены в проституцию, либо присоединились к «женщинам комфорта» добровольно.

Давление патриархального общества на пострадавших женщин, не желающих стать предметом осуждения, было так велико, что вплоть до 90-х годов эта тема не получала широкой огласки. Спустя полвека в 1992 году первые публичные показания по вопросу «комфортных женщин» были даны пострадавшей кореянке [3, с. 7–27]. Стоит отметить, что проблема насильственных действий по отношению к женщинам для правительства Республики Корея стало не более чем рычагом для политических манипуляций по отношению к Японии.

Подтверждением этому стало то, что 28 декабря 2015 года между Японией и Южной Кореей было подписано соглашение об окончательном разрешении вопроса «женщин комфорта», в результате которого Япония принесла официальные извинения пострадавшим женщинам и обязалась выплатить миллиард йен. На этом обе стороны согласились оставить конфликт позади, однако по данным социальных опросов в Республике Корея, подобное разрешение давней проблемы не удовлетворило большую часть респондентов, особенно в возрасте от 20 до 30 лет. В конце декабря в Сеуле прошел протест против соглашения, участницами которого стали так же бывшие «женщины комфорта» [5]. Несмотря на принесенные извинения, сложно представить, что данное соглашение изменит политику Японии по отношению к материалам, изложенным в учебниках истории, так же как и то, что оно повлияет на оценку проблемы со стороны японских граждан и жителей пострадавших от японской оккупации.

Таким образом, современный национализм в Японии, естественно, не имеет много общего с агрессивными его проявлениями в милитаристском японском обществе, который имел место быть от начала XX века вплоть до 1945 года. И не похож на осторожно-агрессивное отношение японцев к иностранцам во время распространения идей Сонно Дзэи с девизом «Да здравствуем император, долой варваров». Но все еще остается национализмом, который объединяет население, усиливая чувство национального самосознания и желание сохранить Японию моноэтническим государством, чьи граждане верят в избранность японского народа, где на совершенные военные преступления правительство полностью не закрывает глаза только потому, что международное сообщество и пострадавшие страны не позволяют этому случиться.

Библиографический список

1. Гришин О. Е., Пронина О. С. Роль негосударственных телеканалов в процессе формирования национальной идентичности в России // Проблемы постсоветского пространства. – № 1(7). – 2016.
2. Крупянко М. И., Арешидзе Л. Г. Японский национализм (идеология и политика). – М. : Междунар. отношения, 2012. – 408 с.
3. Стрельцов Д. В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Япония. Ежегодник. – М., 2014. – С. 7–27.
4. Josh Chin, Yoree Kon. Chinese outraged by denial of Nanjing // The Wall Street journal, 23.02.2012. URL: <http://www.wsj.com/articles/SB10001424052970203960804577238802680649914> (дата обращения: 04.02.2016).
5. Japan and South Korea agree WW2 'comfort women' deal // BBC News, 28.12.2015. URL: <http://www.bbc.com/news/world-asia-35188135> (дата обращения: 04.02.2016).

ТИПОЛОГИЯ НАЦИОНАЛИЗМА

А. В. Рыбаков

*Доктор политических наук, профессор,
Московский авиационный институт
(Национальный исследовательский
университет),
г. Москва, Россия*

Summary. In the article the most known is critically analysed to the typology of nationalism as the political and cultural phenomenon.

Keywords: nationalism; historical, social and political criteria typology of nationalism.

Представить все многообразие проявлений национализма позволяет такая аналитическая процедура, как классификация его типов. Решить эту задачу пытались многие исследователи. Но пока еще не удалось и вряд ли удастся выработать универсальную классификацию, которая учитывала бы все проявления этого сложного феномена в конкретных странах, регионах и т. п. Тем не менее, даже неполные и иногда противоречивые аналитические схемы, необходимы для анализа тех процессов, которые происходили в прошлом и происходят в современном мире.

К наиболее известным типологиям национализма, которые достаточно широко используется в научных исследованиях и политическом лексиконе, кроме классических типов национализма – политического и этнического, относят его разделение на «западный» и «восточный». Такой подход впервые был предложен еще в 1944 году одним из основателей научного анализа проблем национализма Гансом Коном [2, с. 629–634] и в значительной степени повлиял почти на все дальнейшие исследования этой проблемы. Основанием для выделения «западного» и «восточного» национа-

лизмов Г. Кон избрал уровень социально-политического развития общества: социальный состав носителей идеи национализма и соотношение между нацией и государством.

«Западный» тип национализма определяется Г. Коном как рациональный, преимущественно политический феномен. Его появлению предшествовало (или совпадало во времени) формирование национальных государств. Поэтому здесь требовалось лишь превратить имеющееся государство в государство одного народа. Носителем национальных идей в «западном мире» (сюда Г. Кон относит Англию, Францию, Голландию, Швейцарию и США) была буржуазия, видевшая возможность реализации своих экономических интересов в национальном по форме государстве.

«Восточный» национализм Г. Кон характеризует как преимущественно иррациональный, «мистический», а в некоторых комментариях – как «органический», «культурный». Он возникает как реакция неприятия «западной» (политической) модели нации и «западной» модели общественного устройства с его рационализмом и доминированием либеральных ценностей. «Восточный» тип национализма возникает, как показывает Г. Кон, главным образом в авторитарных, отсталых аграрных обществах с преимущественно сельским населением и недостаточно развитым средним классом. Главную роль в формировании идеологии национализма в странах «Востока» (к этой группе Г. Кон относит Германию, Восточную Европу, Россию и азиатские страны) берет на себя интеллигенция (главным образом литературно-художественная), которая, с одной стороны, осознавала социальную и политическую отсталость своей культуры по сравнению с «западной», с другой стороны – весьма критически относилась к возможности ее переноса на «отечественную почву». К тому же, «восточный» национализм развивался в тех сообществах, где не было соответствия между этническими и политическими границами. Поэтому в основу этого типа национализма положена акцентуация значения культурных атрибутов нации (язык, фольклор, исторические мифы, специфика его «души», особая «миссия»). Сегодня Германия считается неотъемлемой частью «Запада». Но поскольку речь идет об истории возникновения националистического мировоззрения, то именно Германия на этапе формирования ее как единого национального сообщества воплощала в себе, по мнению Г. Кона, наиболее выразительные черты «восточного» национализма.

Все авторы, которые анализировали концепцию, предложенную Г. Коном, обращали внимание на условность жесткого разграничения «западного» и «восточного» типов национализма. Ведь черты «восточного» национализма можно найти на отдельных исторических этапах развития стран, где преобладает национализм в его классическом варианте, и, напротив, «восточный» национализм, особенно в странах Центральной Европы (Польши, Чехии, Венгрии и т. д.), имеет много черт, сближающих его с «западным» национализмом.

Несмотря на эти и некоторые другие недостатки предложенной Г. Коном классификации, она, дает нам глубинное понимание именно мировоззренческих различий между двумя типами национализма, различий, в основе которых – права личности в ее взаимоотношениях с сообществом. Общим для обоих типов национализма – является то, что идея принадлежности личности к определенной нации – необходимое условие существования этой личности. Однако «западный» тип национализма дает личности право выбора такого сообщества, в то время как «восточный» считает эту принадлежность прирожденной, имманентной чертой личности и не предоставляет ей право выбора. Эта глубинное отличие, подмеченное Г. Коном, дает основания и сегодня считать его подход актуальным.

Предложенная Г. Коном типология национализма получила дальнейшее уточнение в разработках профессора Бостонского университета Лии Гринфельд. Она предлагает классифицировать разновидности национализма по трем признакам [1, с. 695–697]:

- 1) по соотношению между национализмом и демократией;
- 2) по способу определения суверенитета народа и личности;
- 3) по способу, согласно которому определяется принадлежность к национальной общности.

Два первых критерии позволяют автору выделить индивидуалистично-либеральный и авторитарно-коллективистский типы национализма. На основании третьего критерия различают гражданский и этнический национализм. Их взаимодействие в итоге определяет три различных типа:

	Гражданский	Этнический
Индивидуально-либеральный	Тип 1	
Авторитарно-коллективистский	Тип 2	Тип 3

К индивидуально-либеральному, гражданскому (тип 1) Л. Гринфельд относит национализм, возникший в Англии в XVI в. и США в XVIII в. Франция эпохи Великой революции рассматривается как пример авторитарно-коллективистского, гражданского национализма. Россия и Германия конца XVIII – середины XIX в. – классический, по мнению автора, пример проявления коллективистского этнического национализма (3 тип). Хотя автор признает, что самым распространенным является смешанный тип, приведенная типология все же позволяет определить в каждом конкретном случае доминирующие особенности существующего варианта национализма, так как критерии, которые использует автор, действительно являются наиболее важными характеристиками сущности национализма и форм его воплощения.

Рассмотренные аналитические схемы относятся к так называемым историческим типологиям, базируются на представлении об эволюции

национализма во времени и пространстве. Предложенная Э. Смитом типология является одним из наиболее признанных (хотя также и небесспорных) примеров социологической типологии.

По мнению Э. Смита, лучшим объектом анализа является, особенно с точки зрения классификации, национализм как движение, так как его проявления достаточно легко идентифицировать и сравнивать. В основу типологии положены, во-первых, идея двух моделей нации: гражданско-территориальной и этнической, во-вторых - временной критерий, то есть движения, которые возникли перед обретением независимости, и те, которые возникли после ее достижения [3, с. 90–91].

Исходя из концепции Э. Смита, можно выделить следующие разновидности национализма:

	Типы национализма	
	Территориальный (Политический)	Этнонационализм
Перед получением независимости	Антиколониальный	Сепаратистский
		Диаспорный
После получения независимости	Интеграционный	Ирредентизм
		Пан Паннационализм

Антиколониальный национализм направлен на преодоление иностранного угнетения и построение нового государства и новой гражданско-территориальной общности, т. е. политической нации.

Интеграционный национализм стремится к консолидации, объединению этнически пестрого населения новообразованного государства, формированию гражданской и национальной идентичности.

Сепаратистский, диаспорный национализм – это попытка отколоться от большей политической единицы или отколоться и собраться на своей этнической родине и основать на ее месте новую нацию на этнических принципах.

Ирредентистский национализм (термин происходит от итальянского *irredento* (освобождение) – политическое движение в Италии в конце XIX – начале XX в. за присоединение пограничных земель Австро-Венгрии с итальянским населением) – попытка распространить территориальные границы путем присоединения своих этнических «родственников», живущих за пределами нынешних границ «этнической нации».

Паннационализм – стремление построить гораздо большее этнонациональное государство через союз культурно и этнически близких этнонациональных государств.

По мнению Э. Смита, такая базовая типология помогает нам сравнивать национализм внутри каждой категории, то есть в более широком кон-

тексте. При этом автор предостерегает, что предложенная типология национализма не претендует на полноту, так как не включает много других, хорошо известных его видов. К таким, в частности, относятся экономический и культурный национализм. Первый направлен на защиту экономических интересов нации или этнической группы, второй – на сохранение их культурной самобытности и культурное развитие. Политика жесткого экономического и культурного протекционизма, даже если она осуществляется самими «цивилизованными» и «демократическими» государствами, является националистической в той мере и настолько, в какой степени и насколько они защищают свои национальные интересы [3, с. 95].

К сожалению, хорошо известны человечеству расовые формы национализма, в том числе – в наиболее радикальной, агрессивной его форме – фашизм.

К радикальным формам национализма относится и так называемый «интегральный национализм», который некоторые авторы отождествляют с фашизмом, хотя между ними есть некоторые существенные отличия. Впервые как отдельный тип он был описан основателем научных исследований национализма Карлтоном Гейзом, который определил его характерные особенности, противопоставляя интегральный национализм его историческим предшественникам, прежде всего, традиционному (консервативному) и либеральному типам национализма. «Интегральный национализм» как идеологическое течение, которое оформилось в организованное политическое движение, появился в Западной Европе в конце XIX в. Одним из первых выразителей этой идеологии был Шарль Морэ, который вместе с группой французских националистов основал «Аксьон франсез» («Французский действие»), организацию, которая строилась на идее расовой основы нации, принципиально полного подчинения интересов личности интересам государства, проповедовала агрессию, милитаризм, ксенофобию. И хотя интегральный национализм не получил большой поддержки ни во Франции, ни в других странах Западной Европы, но он подготовил идеологическую платформу для фашизма Муссолини и для возникновения нацизма в Германии. Его влияние также сильно ощущалось в идеологических платформах и практических действиях крайних националистических партий, действовавших во многих европейских странах в период между двумя мировыми войнами.

Библиографический список

1. Гринфельд Л. // Определение национализма // Национализм: Антология. – М. : Факел, 2000. – С. 688–703.
2. Кон Г. Западный и восточный национализм // Национализм: Антология. – М. : Факел, 2000. – С. 629–634.
3. Смит Э. Национальная идентичность. – М. : Основы, 1994. – 180 с.

VII. AGITATIONAL AND PROPAGANDISTIC TECHNOLOGIES OF POLITICS

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ РЕФОРМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

И. Н. Новоставский

*Кандидат исторических наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный
университет, г. Краснодар, Россия*

Summary. The article deals with topical problems of complex approach to forming of political culture of students, practice of civil and political education at the University.

Keywords: students; political culture; integrated approach.

Политическая сфера общественной жизни предполагает накопление студенческой молодежью системы знаний о социальной действительности и о собственной личности, позволяющих адекватно адаптироваться и устанавливать необходимые контакты с другими людьми, поскольку процесс совершенствования социальной компетентности связан с развитием политической культуры личности.

Одним из важных направлений комплексного подхода к формированию политической культуры студенческой молодежи является научно-исследовательская работа преподавателей кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета. Так, в 2011–2015 гг. профессорско-преподавательский состав кафедры выполнял исследования по общекафедральной теме «Формирование историко-политического мировоззрения у студенческой молодежи в современных условиях», в рамках которой были проанализированы проблемы системного подхода к изучению отечественной истории и политологии в вузе и исследованы процессы, влияющие на развитие исторического мышления и политической культуры, позволяющие видеть место России в мировой истории и осознавать свое положение в современном мире, проблемы комплексного подхода в политической социализации личности. По итогам исследований были разработаны и опубликованы рекомендации по комплексному подходу, обеспечивающему взаимодействие всех направлений формирования политического мировоззрения, гражданской позиции и исторического мышления, политической культуры будущих специалистов [1].

На этой основе проводилась и научно-исследовательская работа со студентами в области гуманитарных и социально-политических наук, выработке умений и навыков анализировать политические события в стране и

мире, изучались проблемы геополитики, истории своей Родины и края [2]. Научно-теоретические и научно-практические факультетские, межфакультетские студенческие конференции, дискуссионные клубы, научные кружки и диспуты – таковы формы привлечения студентов КубГАУ к научно-исследовательской работе.

Так, только в 2013–2015 гг., преподавателями кафедры истории и политологии Кубанского государственного аграрного университета Жабчик С. В., Кожурой О. И., Костылевой Л. Р., Новоставским И. Н., Поповым В. В., Салчинкиной А. Р., Салфетниковым Д. А., Силантьевой В. А., Хоружей С. В. проведены студенческие научные конференции по актуальным проблемам отечественной истории, политологии и геополитике – «Права человека в контексте культурно-цивилизационного плюрализма: наследие и современность», «Россия в модернизационных процессах», «Политические режимы: история и современность», «Дезинтеграционные процессы в современном мире», «Политические партии: история и современность», «Молодежные политические организации России и Кубани», «Великая Отечественная война в судьбе моей семьи», «Коренной перелом в Великой Отечественной войне (к 70-летию Великой Победы)», «Белые пятна» в истории Великой Отечественной войны», «Кубань в годы Великой Отечественной войны», «Критика фальсификаций истории Второй мировой войны» и др. Научные мероприятия подобной тематики несомненно способствуют политической социализации и личностной ориентации студенческой молодежи КубГАУ, выработке гражданских и патриотических качеств личности будущих специалистов.

Под руководством доцентов кафедры Новоставского И. Н. и Салчинкиной А. Р., на кафедре работают дискуссионный клуб «Точка зрения» [3], «Россия. Политика. Молодежь» [4], «Персона инкогнито», научный кружок «Эрудит», результаты работы которых опубликованы в научных статьях.

Результатом научно-исследовательской работы студентов становится их ежегодное участие в университетской конференции «Студенчество и наука» и публикация своих работ в сборнике научных трудов. Так, только в 2014 г. под научным руководством преподавателей кафедры истории и политологии студентами опубликовано 19 научных работ, 23 студента награждены грамотами и благодарственными письмами администрация Прикубанского внутригородского округа г. Краснодара за участие в окружном конкурсе творческой молодежи «Единством поколений сильна Россия», 4 студента получили призовые места за участие во Всероссийской Олимпиаде научных и прикладных работ по национальной безопасности и геополитике России (Молодежный союз экономистов и финансистов РФ).

Важным элементом комплексного подхода к формированию политической культуры студенческой молодежи является военно-патриотическое воспитание. Проблема развития военно-патриотического воспитания в рамках кураторской работы в вузах заслуживает самого пристального вни-

мания, поскольку затрагивает ценностные ориентиры общества, а как следствие и национальную безопасность страны. Кафедрой истории и политологии осуществляется военно-патриотическое и гражданское воспитание на факультете «Финансы и кредит» как через содержание дисциплин социально-гуманитарного цикла «История» и «Политология», так и через реализацию различных направлений кураторской работы.

Кураторы кафедры истории и политологии регулярно проводят тематические кураторские часы, посвященные юбилейным историческим датам истории России и Кубани.

В 2011 г. были проведены мероприятия, посвященные 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова (8(19) ноября 1711 г.), 50-летию первого полета в космос Ю. А. Гагарина (12 апреля 1861 г.), 25-летию со дня Чернобыльской аварии (26 апреля 1986 г.).

В 2012 г. кураторы организовали тематические кураторские часы, посвященные 400-летию освобождения Москвы от польских интервентов (4 ноября 1612 г.), 200-летию победы России в Отечественной войне (12 июня – 25 августа 1812 г.), 75-летию со дня образования Краснодарского края (13 сентября 1937 г.), 20-летию реабилитации казачества (16 июля 1992 г.), 90-летию образования КГАУ (1922 г.).

В 2013 г. были проведены мероприятия, посвященные 400-летию династии Романовых (1613 г.), 220-летию со дня основания Екатеринодара (Краснодара) (1793 г.), 70-летию Сталинградской битвы (17 июля 1942 г. – 2 февраля 1943 г.), 70-летию освобождения Краснодара от фашистской оккупации (9 августа 1942 г. – 12 февраля 1943 г.).

В рамках проведения открытых кураторских часов на встречи со студентами были приглашены старший преподаватель учебного военного центра КГАУ полковник Виктор Егорович Иванов; ветеран КГАУ, профессор Виктор Васильевич Попов; главный редактор газеты «Зори» (Северский район) Ольга Александровна Бондаренко. В 2013 г. во время открытых кураторских часов были организованы встречи с ветераном КубГАУ, профессором кафедры ботаники, Председателем Совета ветеранов сотрудников университета, проректором по повышению квалификации преподавателей КубГАУ Владимиром Михайловичем Мордалевым, с подполковником запаса, членом Совета Ветеранов КубГАУ Владимиром Геннадьевичем Нечаевым. Совместно с факультетом Налоги и налогообложение был проведено мероприятие, на которое был приглашен Герой России, главный военный инспектор Минобороны РФ, генерал армии Виктор Германович Казанцев. В 2014 г. в рамках краевого месячника по военно-патриотической работе были проведены 2 открытых кураторских часа. На мероприятии, посвященном 25-летию вывода советских войск из Афганистана, выступил ветеран Афганской войны, капитан в отставке, первый заместитель председателя правления Краснодарского городского отделения ветеранов «Боевое братство» Семен Овшевич Штейнберг. На кураторском

часе «Казачи. Вера. Отечество» со студентами встретились начальник штаба правления первичной казачьей организации Центрального внутригородского округа «Кубанский казачий кордон», войсковой старшина ККВ, подполковник пограничных войск Владимир Васильевич Выршиков; а также сотник, член правления первичной казачьей организации Центрального внутригородского округа «Кубанский казачий кордон» Сергей Андреевич Добреля.

Одним из важнейших направлений комплексного подхода к воспитательной работе кафедры истории и политологии является организация и проведение межфакультетских культурно-массовых мероприятий, участниками которых являются студенты курируемых групп. В 2011 г. был проведен межфакультетский молодежный фестиваль «Никто не забыт, ничто не забыто», посвященный Дню Победы. В 2012 г. были организованы студенческий песенный фестиваль «Молодежь о Великой Отечественной войне» и межфакультетский молодежный фестиваль, посвященный Дню семьи, любви и верности. В 2013 г. состоялся торжественный бал, посвященный 400-летию дома Романовых. В 2014 г. по инициативе проректора по воспитательной работе Ирины Петровны Колесниковой было организовано мероприятие «Традиции патриотизма в культуре и истории России». В мае 2015 г. в преддверии празднования 70-летия Великой Победы на всех факультетах были проведены олимпиады-викторины по истории Великой Отечественной войны.

Таким образом, система высшего образования является основной функцией политической социализации, которая осуществляется как прямо, так и косвенно. Под прямым воздействием понимаются, те необходимые знания о политике, роль, которую играет в ней молодежь, сведения о политических режимах, системах и институтах. Соответственно, чем выше уровень образования, тем выше уровень политической активности человека. В стенах вуза студенты становятся наиболее политически грамотными, на них не так просто оказать воздействие, так как у молодежи уже есть сложившиеся стереотипы о власти и государстве. Молодежь – это будущее нашей страны, и от того в каких условиях будет проходить её политическая социализация, зависит и развитие общества в целом.

Библиографический список

1. Попов В. В. Проблемы комплексного подхода к политической социализации студенческой молодежи // Кубанские исторические чтения: Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар, 2015. – С. 132–138.
2. Пахомова Е. В. Институт образования как фактор формирования личности // Альманах современной науки и образования. – 2007. – № 1. – С. 186–188.
3. Салчинкина А. Р. Историческая память или беспамятство: студенческая молодежь о Кавказской войне 1817–1864 гг. // Альманах мировой науки. – 2015. – № 2–2(2). – С. 56–57.

4. Салчинкина А. Р., Хоружая С. В. Политика и мораль глазами современной молодежи (500-летию трактата «Государь» Никколо Макиавелли) // Инновационные процессы и технологии в современном мире : материалы международной научно-практической конференции. – Уфа, 2013. – С. 101–104.

МОЛОДЕЖЬ КАК «БАРОМЕТР «ЦВЕТНЫХ РЕВОЛЮЦИЙ»

Е. М. Самсонова

*Студент,
Российский государственный социальный
университет, г. Москва, Россия*

Summary. The article analyzes the role of youth in the events and results of the «color revolutions». The article investigates the influence of information and political technologies on opposition youth organizations, which are manipulated by the organizers of the revolutionary scenarios.

Keywords: color revolutions; youth organizations; information technologies; political technologies.

В XXI веке новую силу, имеющую значительное влияние в борьбе с геополитическими противниками, обрели такие политические технологии, как «цветные революции». Развитые страны под предлогом распространения идей демократии осуществляют смену политических режимов в разных регионах мира и вмешиваются во внутренние дела суверенных государств через «ненасильственные» методы «цветных революций» [3]. Однако, ведение чрезмерно воинственной политики организаторами «цветных революций» и следование лишь своим национальным интересам приводит не к мировому демократическому устройству, а к все более большому отдалению «центра» от «периферии» [2, с. 250].

Информационная революция создала новые методы и правила ведения геополитической борьбы. И сегодня средства массовой информации имеют силы и возможности, превосходящие традиционные методы ведения боевых действий [1]. Слова М. Маклюэна стали актуальны в современное время как никогда: «На место солдат и танков пришли типографская краска и фотография. Перо день ото дня становится могущественнее, чем шпага» [6, с. 173]. Появление всемирной паутины повлияло на все сферы жизни мирового сообщества, исключением не стала и область политических процессов современного мира. А главной целевой аудиторией как Интернета, так и «цветных революций», оказалась молодежь.

Молодежь всегда являлась активным участником масштабных мероприятий (в т. ч. и политических: митинги, шествия, демонстрации и т. д.), но этой группе населения в социально-политических процессах чаще всего отводится роль толпы, массы. Л. Д. Троцкий, назвав молодежь «барометром революций», ярко подчеркнул ее роль и место в политических процессах [5]. Организаторы «революционных настроений» умело используют

эмоциональность, импульсивность, энергичность молодых людей в качестве движущей силы «цветных революций» для смены политической власти страны и в дальнейшем трансформации внешнеполитического курса государств. И в конечном итоге, молодежь выступает не субъектом революционного сценария, как она сама считает, хоть и является активным участником всех происходящих действий и процессов, а представляет собой исключительно объект манипуляций и средство для достижения поставленных целей со стороны организаторов этих «революций».

Все «цветные революции» в значительной степени имели или имеют общий сценарий, и основным этапом их развития становится образование оппозиционных молодежных организаций («Отпор» в Сербии, «Пора!» в Украине, «Кмара» в Грузии). В символике этих организаций прослеживаются одинаковые черты ненасильственного фрейма, который имеет явное психологическое воздействие на молодые умы участников «цветных революций». Каждая молодежная организация адаптировала опыт предыдущих стран, где проходили аналогичные события, на свою «революционную» реальность [7]. Политтехнологи, подготавливая сценарии «цветных революций» в различных регионах мира, для сплочения оппозиции распространяли политические символы, используя психологические особенности человека и влияние архетипов на сознание людей [8]. Под протестным жестом *кулака* выступали такие молодежные оппозиционные организации, как сербский «Отпор», грузинская «Кмара» и др. Этот символ задумывался в первую очередь с точки зрения мобильности его использования: нарисовать протестный *кулак* можно было в любом общественном месте с помощью автолака, не затрачивая много времени и сил. Данный жест стал общепринятым символом угнетенных людей, но стремящихся к активной борьбе за свои права. Еще одним популярным символом оппозиционных движений стала «*виктория*», означающая победу и мир. Распространился и получил известность данный жест при попытке «революции кедров» в Ливане, а также во время молдавской «цветной революции».

Невозможно переоценить роль информационных технологий в реализации «цветных революций». Умение захватить и привлечь внимание аудитории в значительной мере стало определяющим критерием результата политической борьбы. Новости, листовки, символика «цветных революций», объявления о митингах мгновенно распространялись через социальные сети и разрушали информационную блокаду, осуществляемую правительством государств. Интернет позволил организовывать протестные акции в режиме онлайн, когда все участники могли в любое время находиться в прямом диалоге друг с другом.

Многими исследователями отмечается, что новые методы передачи информационных потоков (в том числе и через всемирную паутину) создают все больше возможностей для манипуляции и воздействия на созна-

ние молодежи, которая представляет собой основную аудиторию пользователей информационных технологий [4].

Появление нового фрейма «twitter-революций» является итогом распространения возможностей Интернета, его доступности для большинства масс населения и использования таких интернет-сервисов, как Facebook, Twitter, а также различных социальных сетей в условиях организации протестных движений. События, последовавшие после оглашения результатов выборов в 2009 году в Молдавии, открыто называют «twitter-революцией».

Таким образом, стоит отметить, что феномен «цветных революций» заслуживает пристального внимания исследователей и политологов, несмотря на то, что в международной практике он появился сравнительно недавно. Начало XXI столетия показало всю серьезность негативных последствий, к которым привели так называемые ненасильственные формы «цветных революций», имеющие масштабные деструктивные характеристики, которые ввергают государства в хаос.

Библиографический список

1. Анохин М. Г., Бочанов М. А. Информационные технологии «цветных революций» // Вестник РУДН, серия Политология. – 2010. – № 4.
2. Анохин М. Г., Бочанов М. А., Ваховский А. М. и др. Политика. XXI век. Инновационные технологии : монография / под общ. ред. М. Г. Анохина, В. М. Платонова, О. Е. Гришина. – М. : РУДН, 2013. – 435 с.
3. Бочанов М. А. «Цветные революции»: актуальный вопрос // Среднерусский вестник общественных наук. – 2011. – № 2.
4. Гришин О. Е., Атаев Т. Б. Политическая видеореклама в Интернете как инструмент выражения политической позиции молодежи // Youth. World. Politic. Научный междисциплинарный журнал. – 2013. – № 2. – С. 77–84.
5. Елишев С. Молодежь в современных «революционных» процессах // Русская народная линия. – 2013. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/12/13/molodyozh_v_sovremennyh_revolyucionnyh_processah (дата обращения: 03.02.2016).
6. Маклюэн М. Понимание медиа. – М., 2003.
7. Пономарева Е. Секреты «цветных революций»: современные технологии смены политических режимов // Свободная мысль. – М. : Политиздат, 2012. – С. 87–98.
8. Федорченко С. Н. Технологии создания политической символики «цветных революций»: мировой опыт // Вестник Московского государственного областного университета. Электронный журнал. – 2012. – № 4. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/241> (дата обращения: 09.02.2016).

VIII. FORMATION AND DEVELOPMENT OF REGIONAL SOCIO-POLITICAL STRUCTURES

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЦЕЛЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А. К. Боташева

*Доктор политических наук, профессор,
Пятигорский государственный
лингвистический университет,
г. Пятигорск, Ставропольский край,
Россия*

Summary. Modernity exhibits numerous threats such as internal political struggle, environmental and other crises, uncontrolled migration, terrorism, the existence of organized crime of various kinds and more. It is difficult to overestimate the importance of today such criteria as the integrity of the state, the consolidation of positive forces of community sustainability. Acquires special relevance of public management that is able to adequately respond to a number of external and internal threats by mobilizing resistance to destructive impulses.

Keywords: public policy; public administration; national security; political system; public policy; monitoring function.

Государственное управление, призванное регулировать политическую деятельность, закреплять определенные политические ценности, присутствующие данному обществу, традиционно понимается как реализация государством целей, задач и функций государства, что правомерно можно понимать как процесс становления социально и политически значимых целей развития определенного общества. Как предполагают исследователи, «для понимания специфики современного политического процесса приобретают актуальность новые ракурсы политологических исследований» [2, с. 7]. Одновременно появление новых типов угроз, которые актуализируются с событиями на Ближнем Востоке [1, с. 12], несомненно активизируют стремление современных государств адекватно реагировать на ряд внешних и внутренних угроз, мобилизуя потенциал сопротивления разрушительным импульсам.

Отталкиваясь от понимания государства как центрального звена политической системы, отметим, что государственную политику надо понимать как выражение целей политической системы, и как выражение средств, которыми они реализуются. Говоря другими словами, речь идет о выработке общественной политики и контрольной функции: принятии определенных мероприятий и решений для их достижения, где государственная политика не ограничивается принятием законов, регламентов, выработкой инструкций, постановлений и т. д. Но самое главная, на наш

взгляд, функция государственной политики – это должная реакция на изменение среды, на новые условия, риски и вызовы, требующие модификации государственной политики.

Таким образом, основной функцией государства остается не «физиология» (Т. Парсонс), а «самосохранение», подразумевающее, во-первых, целостность государства, во-вторых, единство его институтов и структур. Вполне очевидно, что под влиянием угроз различного уровня и масштаба меняется политическое пространство, трансформируются политические институты и политические отношения, соответственно, корректируются и формы политического управления, политического воздействия на общество и общественное сознание, а в итоге получаемый результат не всегда соответствует тому виду политических реалий, к которому стремилось и общество, и государственное управление в целом.

Традиционно государственную политику подразделяют на внутреннюю и внешнюю. В свою очередь, внутренняя государственная политика делится на два крупных блока: социальный и экономический. Используя системный подход, среди основных внутренних направлений государственной политики, если взять за основу политико-властное воздействие, отметим политику в области здравоохранения, в области налогообложения, аграрную политику, культурную политику, политику государственного строительства, экономическую политику, политику в области образования, молодежную политику, национальную политику и т. д.

В то же время существуют ряд разновидностей внутренней политики, которые одновременно имеют и внешний аспект. К таким отнесем, например, военную и информационную политику.

Системный подход, предложенный нами, предполагает акцентирование внимания на следующих аспектах: политика, в том числе и государственная, должна пониматься как выражение общественных целей, поэтому согласимся с мнением Ральфа Эрбера и Ричарда Лоо, что легитимность демократической политической системы отличается от легитимности, которая не присуща, например, политической системе тоталитарного общества [3, с. 236]. Соответственно, мы можем говорить о значимой роли государственной политики в становлении политической системы.

Библиографический список

1. Панин В. Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние Российской Федерации и США : дис. ... д. полит. наук. – Пятигорск, 2004. – 275 с.
2. Политизация религиозного фактора в контексте региональной безопасности: северокавказская проекция: коллективная монография / Г. В. Косов, В. Н. Панин, Г. В. Станкевич и др. – М. : МИРАКЛЬ, 2014. – 192 с. – С. 7.
3. Erber R., Lau R. Political Cynicism Revisited: An Information-Processing Reconciliation of PolicyBased and Incumbency Interpretations of Changes in Trust in Government // American Journal of Political Science. – 1990. – Vol. 34. – № 1. – P. 236–253.

РАСШИРЕНИЕ СПЕКТРА НЕФОРМАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРАКТИК РАДИКАЛЬНОГО ИСЛАМИЗМА (на примере террористической группировки ДАИШ)

Г. В. Волгушев

*Аспирант,
Карачаево-Черкесская государственная
гуманитарно-технологическая академия,
г. Черкесск,
Карачаево-Черкесская Республика,
Россия*

Summary. Methods of radical Islamists who resort to terror, becoming increasingly more sophisticated. A growing wave of migration to European countries. Will inevitably be followed by various transformations of the political process of a number of European countries. European countries will face problems with authority in a familiar framework. There is a problem of the implementation of the state and its institutions functions of national security.

Keywords: radical Islamism; the radical ideology; separatism; Jihad; Sharia; migration; religious wars; terrorist organization.

Стало актуальным рассмотрение действий радикальных исламистских группировок, действия которых в последние годы привлекают внимание всей мировой общественности. Одиннадцати радикальным исламистским группировкам удалось объединиться в одну организацию «Исламское государство» или «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГ, ИГИЛ), или al-Dawla al-Islamiya al-Iraq al-Sham (ДАИШ), организовать квазигосударство с шариатской формой правления: 29 июня 2014 года ДАИШ провозгласило себя Всемирным халифатом со штаб-квартирой в сирийском городе Ракка. ДАИШ удалось удерживать контроль над преобладающей территорией Сирии и территорией Ирака к северу и западу от Багдада до конца 2015 года. Прервала победное шествие «всемирного халифата» Россия, вооруженные силы которой начали масштабную военную операцию против террористов-боевиков ИГ.

Напряженная военно-политическая ситуация на Ближнем Востоке с новой остротой обозначила проблемы построения региональной системы безопасности [4, с. 350]. Вызывает настороженность тот факт, что ряды ДАИШ добровольно пополнились 25 тысячами человек более чем из ста стран мира только за первые полгода 2015 года. Выраженная религиозная направленность радикалов, прикрывающихся знаменем ислама, привела к тому, что служить ДАИШ отправляются молодые люди, которых нельзя было заподозрить в преданности боевикам. В частности, специалист высокого уровня, глава таджикской антитеррористической программы, проходивший стажировку в США, покинул свой пост и добровольно примкнул к Исламскому государству. Так же усилившаяся вербовка в ДАИШ детей,

основанная на религиозных мотивах, вызвала резонанс на уровне ООН и высшего руководства Ирака и Сирии [5].

Другой опасной политической практикой радикального исламизма остается борьба с «неверными», суть которой в желании восстановить фундаментальные основы «своей» цивилизации, устранив не только глетворное влияние запада, но и все заимствования и новации, вернуть «истинный, первоначальный облик чистой религии» [1, с. 125]. Сепаратизм, распространяемый радикалами в ракурсе формирования альтернативной идентичности, отличается от того классического сепаратизма, который подразумевается под данным термином, так как у радикалов формируется самовосприятие как членов всемирного сообщества мусульман, членов уммы, роль которой временно выполняет конкретная исламистская организация. Признавая подобный сепаратизм как политику по объединению «истинных мусульман», можно данную политическую практику с определенными оговорками назвать «религиозным ирредентизмом», который обычно выражается в этнической мобилизации, но в данном случае мы будем под религиозным ирредентизмом подразумевать не этническую, а религиозную мобилизацию и стремление объединиться по религиозному признаку.

Ближний Восток является конфликтной зоной повышенного напряжения [3, с. 2]. Мы видим, что спектр неформальных политических практик радикального исламизма расширяется. К традиционным неформальным политическим практикам, таким как сепаратизм, практика распространения шариата, пропагандистская практика, террористическая практика, практика джихадизма и прозелитизма, добавились религиозный ирредентизм, практика систематического террора, практика целенаправленной миграции и практика присвоения легитимного государственного насилия в вновь возникшем «халифате» с практикой построения государственной вертикали власти с налаженным финансированием «государственных структур». Но стоит заметить, что в новом амплуа – борцов с неоимпериализмом – радикализованный исламизм наносит урон не только мусульманскому миру, но и всему человечеству в целом. Как пишут исследователи, «Терроризм был и будет физическим, нравственным и духовным злом для всех народов, государств, человечества в целом» [2, с. 413].

Библиографический список

1. Боташева А. К. Терроризм в современном политическом пространстве: истоки становления нелегитимного насилия и формирование международной антитеррористической системы. – Ставрополь, 2013. (2-е издание, переработанное и дополненное). – 276 с.
2. Боташева А. К. Международный терроризм: проблемы концептуализации // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 4. – С. 413–416.

3. Панин В. Н. Политический процесс на Ближнем востоке: влияние Российской Федерации и США: дис. ... д. полит. наук. – Пятигорск, 2004. 275 с.
4. Худяков И. Ф., Боташева А. К., Миргород Д. А., Дегоев В. В. Внешняя политика США на Ближнем востоке в контексте политической трансформации региона // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 4. – С. 350–353.
5. ООН: Боевики ИГИЛ вербуют в свои ряды восьмилетних детей // <http://rg.ru/2014/07/02/siriya-anons.html>

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ПОЛЬШЕ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ СТРАНЫ В ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

А. В. Макухин

*Аспирант,
Российский университет
дружбы народов, г. Москва, Россия*

Summary. This article describes the law reform process in the field of local self-government in Poland. In the process of accession into EU, Republic of Poland was the main beneficiary of the "cohesion policy" and the financial support of the European funds. Coordinated actions of the Polish government and the European Union ensured the success of the system reformation and had a strong positive impact on the economic situation in the country.

Keywords: local government; Poland; European integration; cohesion policy.

Польское самоуправление после реформ 1998 г. приобрело новое измерение и определенную постоянную форму. Польское территориальное самоуправление не статично по своей структуре и находится в постоянном развитии. Политические преобразования в Польше повлияли на всю систему публичной власти государства и его субъектов. Двухуровневое разделение территориальных органов власти было заменено на трехуровневое – гмина, повят, воеводство [1]. Членство в ЕС делает необходимым адаптацию государственного управления к процедурам принятия решений в ЕС и их соответствия общим стандартам в этой области. Для Польши суть данного процесса заключалась в постепенном включении трехуровневой системы территориального самоуправления в процесс структурного принятия решений. Немаловажное место в этом процессе имеет доктрина субсидиарности, децентрализации и деволуции власти и участия местного самоуправления в осуществлении публичной власти [2]. В рамках территориальной политики ЕС, именно регионы являются основным звеном реализации самоуправляющихся функций и получателями средств из структурных фондов для выравнивания существующих диспропорций и качества жизни их жителей.

Первый вариант Национальной стратегии регионального развития (НСРР) охватил период 2001–2006 годах [4]. Правительство Польши раз-

работало стратегию в течение 1999–2000 гг. с целью гармонизации государственной политики Польши с требованиями ЕС. Важным шагом правительства стала разработка Предварительного Национального плана развития (ПНПР) на 2000–2002 гг. В основу этого документа были приняты секторальные стратегии, а позже добавлены положения, направленные на усиление социально-экономического соответствия в рамках подготовки Польши к вступлению в ЕС, путем стратегического программирования фондов ЕС, выделенных на подготовку к вступлению. В период 2001–2004 гг. главная роль в реализации ПНПР отводилась контрактам, заключенным между Советом Министров и органами регионального (на уровне воеводств) самоуправления. Так называемые «Контракты воеводств» были своеобразным договором на поддержку регионального развития. В рамках этих контрактов органы местного самоуправления получали дотации (гранты) из центрального бюджета на поддержку выполнения их собственных задач, определенных в стратегиях регионального развития воеводств и соответствующих программах действий. В это время логическое построение ПНПР на 2000–2002 гг. так же как и политика регионального развития, предусматривала доминирующую роль европейских фондов и задачи и правила ЕС по использованию этих фондов. В течение следующего периода (2004–2006 гг.) вспомогательные направления деятельности, которые были определены в ПНПР и поддержаны фондами, выделенными на подготовку к вступлению, были продолжены в Национальном плане развития (НПР) на 2004–2006 гг. Средства, выделенные на его реализацию, были в несколько раз больше предыдущих, с большими ассигнованиями из государственного бюджета. Польша разработала НПР на 2004–2006 гг. как документ, который официально приводил в соответствие государственную политику в различных секторах и отражал потребности развития отдельных регионов. Задачи и приоритеты, обозначенные в НПР, были сформулированы на основе экономической программы правительства на 2002–2006 гг. НПР был связан с экономической программой правительства, но в основном концентрировался на мероприятиях, что носили структурный характер и были необходимы для развития в долгосрочной перспективе и модернизации страны.

Начиная с 2004 г. основным источником финансирования реализации региональной политики стали фонды структурного развития ЕС. Формальным основанием для доступа в эти фонды стала подготовка и принятие Европейской Комиссией Союзнической концепции поддержки (СКП), по которой следовало вступление Польши в ЕС (1 мая 2004) [3]. Этот важный программный документ был разработан в результате переговоров между Польшей и ЕС по НПР на 2004–2006 гг. В дальнейшем в План вошли структура и стратегия реализации СКП, а также определены объемы структурных фондов, предназначенных на отдельные операционные про-

граммы и приоритеты. Параллельно шли переговоры о стратегии использования фонда сплочения.

После утверждения Польшей и Европейской Комиссией Национального плана развития и общинной концепции поддержки (НПР – ОКП) была разработана Интегрированная региональная операционная программа (ИРРП) [5]. Программа дала возможность трансформировать приоритеты, определенные в НПР, в набор приоритетов плана реализации ИРРП и четко определить необходимые объемы финансовых ресурсов, что распределяются на региональном и местном уровнях, а также в частном секторе параллельно фондам, выделенным Польше от ЕС на начальном этапе членства.

В период 2007–2013 годов Польша становится крупнейшим бенефициаром европейской политики солидарности. Помощь Польше в рамках Европейского фонда регионального развития, Европейского социального фонда и Фонда солидарности в этот период составила около 59,5 млрд. евро (по сравнению в период 2004–2006 годов – около 12,8 млрд. евро.). В 2007–2013 годах около 60 % средств, предусмотренных на развитие местных органов власти, поступало из фондов ЕС, 10 % средств поступило из государственного бюджета, а 15 % составил вклад частного сектора. Указанный объем вложенных средств говорит, что Польша получила крупнейший за всю историю ЕС пакет помощи. Учитывая значительную экономическую дифференциацию польских воеводств, при распределении средств учитывается положение вещей в каждом из них и средства, в первую очередь, выделяются тем регионам, которые находятся в наименее благоприятном положении.

Библиографический список

1. Глебов В. А., Макухин А. В. Роль местного самоуправления в становлении гражданского общества в Республике Польша // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 4. – С. 114–122.
2. Макухин А. В. Политические и правовые аспекты функционирования системы местного самоуправления в Республике Польша // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 9 (88). – С. 301–302.
3. Community Support Framework «Promoting economic growth and an environment for job creation» Brussels-Warsaw, December 2003.
4. National Strategy for Regional Development 2001–2006, Ministry of Regional Development and Construction, Warsaw 2000.
5. Poland Integrated Regional Operational Programme 2004-2006, Community Support Programme For 2004–2006, The Ministry Economy, Labour and Social Policy, Warsaw, February 2004.

КУРДИСТАН: ДОЛГИЙ ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ ИЛИ СОХРАНЕНИЕ СТАТУС-КВО?

Д. А. Мустафа

*Аспирант,
Российский университет
дружбы народов, г. Москва, Россия*

Summary. Kurdistan on the political map of the world occupies a key geopolitical and geo-strategic position in the Middle East – it is, in part, in Turkey, Syria, Iran and Iraq. Determining the exact its borders to this day remains a complex issue due to the lack of an independent Kurdish state. The Kurdish people are the largest ethnic group in the Middle East who do not have at the moment of its statehood. In the history several times there were attempts to create an independent Kurdish state, but all of them were in vain.

Keywords: Middle East; Kurdistan; Iraq; Turkey; Syria; Iran; Kurds; Peshmerga.

Обострение ситуации на Ближнем Востоке актуализирует вопрос о возможности появления независимого курдского государства. Изучение этой проблемы насущно в связи с усилением Курдской автономии в составе Ирака и поддержкой курдов рядом ведущих мировых политических акторов. Современная исследовательская политологическая задача состоит в изучении «новых» политических систем. Поводом для этого служат драматические события в бывшей Югославии, Ираке, Египте, Ливии, Украине, Сирии и т. д. [3].

После Первой мировой войны в Южном (Иракском) Курдистане впервые было создано курдское государство во главе с шейхом Махмудом Барзанджи. Однако англичане поспешили организовать его свержение и назначили военным губернатором Сулеймании, чтобы ограничить его влияние и минимизировать возможности новых восстаний [1].

Ключевыми датами в истории курдской проблемы являются 1920 год (Севрский договор, приведший к распаду Османской Империи), 1923 год (большая часть Курдистана вновь отошла к Турции, а его южная часть включена в состав Ирака), 1970 год («Мартовский манифест» – декларация о Курдской автономии), 1974 год (принятие Багдадом закона, который нивелировал положения принятой декларации).

Новая история создания автономии Курдистана началась с августа 1990 года, когда Ирак захватил Кувейт. В 1991 году иракская армия была выгнана из Кувейта, после чего 5 марта начались массовые восстания в Курдистане. Уже 7 марта была освобождена Сулеймания, 11 марта – Эрбиль и 13 марта – Дохук. С освобождением Киркука (20 марта), курдские войска (Пешмерга) контролировали уже весь Курдистан. Но С. Хусейн сумел перегруппировать свои силы и неожиданно для курдов начал новое наступление.

Опасаясь нового геноцида, курды устремились к границам с Ираном и Турцией. По оценке Генсека ООН в конце апреля в Иране находилось

около 1 миллиона курдов, которые искали укрытия в высокогорной местности Ирана. Из районов Киркука и Эрбиля бежало до 70 % населения. Перед лицом гуманитарной катастрофы, ООН приняла 5 апреля 1991 года резолюцию № 688, согласно которой С. Хусейн был обязан оставить 3 курдские провинции (Эрбиль, Сулаймания и Духок).

Первые годы существования «Свободного Курдистана» оказались непростыми. При несомненных успехах в налаживании экономической ситуации, решении насущных социальных проблем, повышения качества и доступности народного образования были допущены серьезные просчеты в создании здорового внутривосточного климата. И это осложняло развитие региона.

После восстания 1991 года в Курдистане, в 1992 году прошли первые успешные выборы, и был сформирован кабинет правительства, который принял декларацию об образовании федерального Курдского государства со столицей в Киркуке. Но положение Курдистана все равно было крайне тяжелым, так как официально он оставался частью Ирака. Вплоть до 2003 года отношение официального Багдада с Курдским регионом были достаточно напряженными.

В 2003 году курдские войска (Пешмерга) сыграли ключевую роль в свержении режима С. Хусейна. Сотрудничество с американскими военными силами позволило включить в новое иракское правительство представителей Курдистана. Это и стало главным вознаграждением курдов за годы сопротивления [4].

Распад политической системы в Ираке привел к краху государственных институтов. Не коснулось это только курдского региона. И это привлекло внимание международного сообщества. Советом Безопасности ООН в 2003 году была выпущена резолюция о мерах реализации политических изменений в Ираке [2]. В результате начал действовать Временный управляющий совет Ирака, который издал закон о Государственной администрации для переходного периода, передаче полномочий и проведения выборов в 2005 году. Кроме этого администрация приняла решение о написании новой конституции и проведении национального референдума по ней. Иракская конституция 2005 года предусматривает возможность курдов создать новое государство, основанное на демократических основах [6]. А в 2005 году Масуд Барзани был избран первым президентом региона. 15 октября 2005 года на всеобщем референдуме была одобрена постоянная Конституция Ирака, закрепляющая идею федеративного устройства иракского государства, статуса Иракского Курдистана, права курдов и других этнических групп. Теперь курдский язык наряду с арабским признавался официальным языком страны согласно ст. 7 Конституции [5].

7 мая 2006 года был объявлен первый состав Объединенного кабинета регионального правительства Курдистана (премьер-министр Нечирван Барзани) – событие огромной исторической значимости. Тем самым были

заложены основы дальнейшего всестороннего развития курдской автономии с существенным ограничением вмешательства антикурдских сил внутри страны и за рубежом.

По форме политического устройства образование представляет собою парламентско-президентскую республику с атрибутами суверенной государственности: президент, парламент, правительство, законодательство, вооружённые силы (Пешмерга), официальный язык (курдский), гимн, региональную историю, флаг, региональные геополитические интересы... На сегодняшний день Региональный Курдистан является единственной стабильной, благополучной зоной в Ираке. Все перечисленные выше факторы подтверждают способность Иракского Курдистана осуществлять автономию. Курды из Южного Курдистана уже добились беспрецедентных для национальных меньшинств прав и свобод: у них есть свой флаг, гимн, конституция, свод региональных законов, парламент, президент, правительство, судебные органы, вооруженные силы, полиция, спецслужбы, право на внешнеполитическую и внешнеэкономическую деятельность, на взимание налогов и таможенных сборов. По Конституции, Курдистанский регион имеет право на получение из федерального бюджета Ирака 17 % от его расходной части, однако, на данный момент курды не получают свою долю бюджета уже более 1,5 лет.

Правительственная программа Курдистана охватывает все сферы жизни курдского общества – политическую, экономическую, социальную, культурную – с механизмом взаимодействия регионального правительства с федеральными властями в Багдаде и сопредельных государств. Она нацелена на устойчивое экономическое развитие региона на основе модернизации путем поддержки создания государственных и частных промышленных предприятий с привлечением иностранных инвесторов. Частный сектор должен стать двигателем экономики Курдистана и явить собой способ уменьшения безработицы, повышения доходов населения, улучшения качества жизни.

Дальнейшее закрепление статуса регионального Курдистана как субъекта федерации возможно только в условиях сохранения Ирака как федеративного государства и сложившегося баланса внешних сил вокруг иракского Курдистана.

Основной причиной отделения от Ирака является идеологические расхождения между региональным правительством Курдистана и Иракским правительством по многим вопросам. В первую очередь, это ст.140 Конституции, касающаяся судьбы Киркука и спорных приграничных районов, которая гласит: «Согласно 58 статье Переходного административного закона исполнительная власть Ирака отвечает за эти территории до нормализации жизненной обстановки и переписи населения». Но до 31 декабря 2007 года должен был быть проведён референдум в Киркуке и других

спорных территориях, который бы определил, кто должен отвечать за данные территории, и в чьем ведомстве они должны находиться.

Не малым фактором, усугубляющим данную проблему, являются разногласия по поводу добычи и распределения нефтегазовых ресурсов между центральным правительством в Багдаде и региональным правительством Курдистана, которое настаивает на своих конституционных правах самостоятельно распоряжаться ресурсами. В связи с этим 21 апреля 2012 года президент Курдского региона Масуд Барзани заявил о сохранении права на объявление независимости в случае не решения причисленных вопросов и проблем [5].

В Курдистане в настоящее время аккредитовано более 30 иностранных дипломатических и торговых представительств, включая Генеральное консульство Российской Федерации (год основания: 2007), Генеральное консульство Исламской республики Иран, Генеральное консульство Республики Франция, Генеральное консульство Республики Турция, Генеральное консульство Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Генеральное консульство Соединенных Штатов Америки, Генеральное консульство Иорданского Хашимитского Королевства, Генеральное консульство Арабской Республики Египет, Генеральное консульство Палестинской национальной автономии, Консульство Республики Италия, Посольство Королевства Швеция и др.

В настоящий момент территория Курдистана разделена границами четырех государств: Иран, Сирии, Ирак, Турции. В результате появились географо-политические понятия: турецкий Курдистан (северный Курдистан), сирийский Курдистан (северо-западный Курдистан), иракский Курдистан (южный Курдистан) и иранский Курдистан (восточный Курдистан).

Таким образом, на сегодняшний день курдское государственное образование существует только на территории Южного Курдистана. Курдистан как наиболее развитый в социально-экономическом и политическом отношении, стал центральной фигурой всего этнического Курдистана.

Библиографический список

1. Аватков В. А. Курдская проблема на турецком поле // Вестник МГИМО Университета. – № 2. – 2012. – С. 128–132.
2. Аджоев М. Эрбиль–Москва: концепция визита. URL: http://kurdistan.ru/2012/08/05/articles-16492_Erbil-Moskva_koncepciya_vizita.html (дата обращения: 09.02.2016).
3. Гришин О. Е. Константность политической системы: технологии разрушения // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 8 (87). – С. 307–309.
4. Иванов С. М. Иракский Курдистан и курдская проблема в целом. 15 июня 2012 г. URL: <http://www.arms-expo.ru/news/archive/irakskiy-kurdistan-i-kurdskaaya-problema-v-celom16-06-2012-14-09-00/> (дата обращения: 09.02.2016).
5. Конституция Ирака, 2005.
6. Шакро Х. М. Иракский Курдистан проблемы развития, Москва, 2005 г. URL: <http://ezdixane.ru/index.php/component/k2/item/330-> (дата обращения: 09.02.2016).

ТЕРРОРИЗМ СО СТОРОНЫ ТЕНЕВЫХ СУБЪЕКТОВ ПОЛИТИКИ: АСПЕКТЫ СТАНОВЛЕНИЯ ТРАНСЛЯЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ

Д. Х. Халкечев

*Аспирант,
Карачаево-Черкесская государственная
гуманитарно-технологическая академия,
г. Черкесск,
Карачаево-Черкесская Республика,
Россия*

Summary. Terrorism is closely related to the redistribution of spheres of influence at the regional and international levels. While globalization is a dominant civilizational project in the modern world. But the modern political reality is that increasingly stimulates non-public activities of political actors who act to the detriment of the public interest.

Keywords: terrorism; «shadow» actors policy; non-public entities policy; the redistribution of spheres of influence; political resources.

Большое внимание исследователей привлекают действия теневых субъектов политики, которые прибегают к террористическим методам борьбы. На основе анализа традиционных классификаций предлагается следующая классификация тенеvizированных субъектов политики: а) со стороны властных структур; б) коммерческих структур; в) оппозиционных структур; г) криминальных структур. Теневые решения со стороны властных структур выражаются в теневом проталкивании стратегических решений (лоббизм), кадровых перестановках, организации теневых доходов, теневой коммерческой деятельности представителей чиновничества, ведомственных структур и т.д. Что касается коммерческих структур, то организация теневых переливов финансов, теневой коммерческой деятельности банков, теневого распределения сфер влияния, промышленного шпионажа и им подобных действий на современном этапе невозможна без активного взаимодействия с политическими структурами, без помощи влиятельных политических сил. В качестве таковых «мы можем рассматривать и транснациональные корпорации, которые ведут не только финансовый передел мира, но и тесно связанный с ним геополитический» [3, с. 142].

Со стороны оппозиционных структур к теневым субъектам политики мы можем отнести всех субъектов, выступающих нелегально против существующего политического порядка, трансформируя существующую политическую систему. Это могут быть индивид, группа, организация. Анализируя деятельность больших групп или социальных классов, участвующих, например, в запрещенной забастовке или митинге, совершающих революцию и т. д. – будем говорить о теневых субъектах, которые являются нелегальными организаторами или группами влияния подобных выступлений.

Со стороны криминальных структур к теневым субъектам политики мы отнесем террористические организации и организованную преступность, так как анализ их деятельности показывает, что современные группы боевиков разрозненных террористических сетей постепенно переросли в сетевые международные организации, приобретшие черты профессиональной криминальной деятельности, по всем параметрам связанной с теневым бизнесом и организованной преступностью. Вполне допустим вариант, что теневые субъекты политики есть отчасти объект манипулирования в глобальной политической игре, а общество встречается только с «верхушкой айсберга» в виде, например, террористических актов или «латентной» войны и т. д. в интересах глобальных геополитических игроков, поэтому важно учитывать «изменения в представлении об объектах и субъектах современного терроризма» [2, с. 349].

Способы и деятельность непубличных акторов политики делятся исследователями на конвенциональные и неконвенциональные, где первое должно означать поддержанное законом, а второе – конфликтующее с законом и противоречащее установленным государством порядкам. Согласимся с аналитиками, что при этом большое значение имеет политическое сознание и политическая культура субъектов политики [1, с. 112].

Субъекты терроризма, в качестве которых можно назвать группы религиозно-этнические, классовые, расовые, военные, криминальные, бизнес-группы, оппозиционные власти группировки и др., – в качестве теневых субъектов политики прибегают к скрытому диалогу с властью имущими сторонами, либо уходят от диалога с властью, с различными политическими силами, защищают корпоративные интересы, преследуют политическую или экономическую выгоду и стремятся влиять на политическую власть.

Современному терроризму присуща высокая степень слияния с криминальными структурами: международной организованной преступностью и наркобизнесом. После становления терроризма продолжается дальнейшая эскалация противостояния, которая втягивает в орбиту своих интересов новые криминальные элементы вкупе с попыткой идеологически влиять на сознание молодежи.

Библиографический список

1. Боташева А. К. Современный политический процесс как событийная сторона политической жизни // Kant. – 2012. – № 3. – С. 112–113.
2. Боташева А. К. Государственный терроризм как инструмент внешней политики // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2. – С. 349–352.
3. Боташева А. К. Терроризм в современном политическом пространстве: истоки становления нелегитимного насилия и формирование международной антитеррористической системы. 2-е издание, перераб. и доп. – Ставрополь, 2013. – 276 с.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
18–19 апреля 2016 г.	Актуальные аспекты педагогики и психологии начального образования
20–21 апреля 2016 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2016 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2016 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2016 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2016 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2016 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2016 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2016 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2016 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2016 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2016 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2016 г.	Реклама в современном мире: история, теория и практика
25–26 мая 2016 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2016 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2016 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях

15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия
17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Реферативные базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexin Services за 2015 г. – 1,09, • General Impact Factor за 2015 г. – 2,1825, • РИНЦ за 2014 г. – 0,194.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), 	
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и практический журнал «Akademická psychologie»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и аналитический журнал «Sociologie člověka»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Russian-Armenian (Slavic) State University
Academia Rerum Civilium – Higher School of Political and Social Sciences

**CURRENT ISSUES OF MODERN
SOCIO-POLITICAL PHENOMENA:
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL
AND APPLIED ASPECTS**

Materials of the IV international scientific conference
on March 13–14, 2016

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 08.04.2016
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 7,2.
Tiráž 100 ks.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosphere.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz